

Кристина Янг

ЛЮБОВЬ
ПЕД ПРИЦЕЛОМ

18+

Кристина Янг

Любовь под прицелом

<https://litres.ru/74091671>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь, за которую нужно заплатить высокую цену, оказывается под прицелом страхов, сомнений и обстоятельств.

Андрей - сосредоточенный на своей службе парень, который закрыл все двери к своему сердцу. Его жизнь полностью посвящена карьере военного, и он не желает вступать в отношения. Андрей уверен, что любовь в его случае обречена на провал.

Василиса дерзкая, уверенная в себе девушка, которая привыкла добиваться поставленных целей и мечтает стать хорошим врачом. Но, несмотря на сложный характер, она остается доброй, наивной и верит в настоящую сказочную любовь.

И когда эти двое встретились, судьба бросила им вызов: Андрей пытается подавить свои чувства к эмоциональной и горячей жизнью Василисе, а она жаждет разгадать сложного и таинственного парня, к которому ее тянет с невероятной силой.

Любовь одержит победу над сомнениями и страхами, но сможет ли она преодолеть сложности и интриги? Когда он - военный и не принадлежит одному месту, а ее семья всеми силами пытается помешать им.

Содержание

Посвящение	4
Плейлист	5
Первая часть. Чувства	6
Глава 1. Судьбоносное знакомство	7
Глава 2. Случайности - не случайны	26
Глава 3. Дружба или что-то большее?	37
Глава 4. Страх	57
Глава 5. Привязанность	69
Глава 6. Избегание	99
Глава 7. Ошибка	121
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Кристина Янг

Любовь под прицелом

Посвящение

*«Не зря в слове „любовь“ спряталось слово „боль“.
Но все же она исцеляет и дарит луч надежды во время
тьмы войны».*

*Посвящается женщинам, которые верят и ждут
вопреки всему.*

Плейлист

Привет (OST Ландыши. Вторая весна) — NANSI и SIDOROV

Высота — Сергей Нихаенко

Плечом к плечу — Frolova

Пожар — Akmal' и JALAGONIA

Ты — мои разбитые мечты — Akmal'

Осень (OST Ландыши. Вторая весна) — Женя Трофимов, Комната культуры, NANSI и SIDOROV

Лед, что поет о любви — Женя Трофимов, Комната культуры

Море — Женя Трофимов, Комната культура

Закричу на весь мир — ТРАВМА

Нежная любовь — Beautiful Boys

Встречная полоса — NANSI и SIDOROV

Счастливыми — Саша Санта

Поезда — Женя Трофимов, Комната культуры

Первая часть. Чувства

Глава 1. Судьбоносное знакомство

Василиса

Ейск

Июль 2019 год

Ненавижу автобусы. Я готова километрами проходить расстояния пешком, но только не ехать на автобусе. Куча злых людей и различные запахи сводят меня с ума. И дело даже не в том, что я дочь богатого дяди-хирурга, у которого имеется собственная клиника, и у него баснословные суммы на швейцарском счете. Я не считаю себя богачкой. А-ля вся из себя. Дело в моей брезгливости и в моем нетерпении.

Есть, конечно, удобный и комфортный вариант — такси. Но на такое роскошество у меня сегодня просто не хватает денег.

Так получилось, что я слишком часто ругаюсь со своим отцом, который содержит меня, пополняя мои карты, чтобы я могла жить, а не существовать. Но, когда между нами разлад, отец слишком жесток со мной. В качестве наказания за проявление, по его мнению, неуважения к старшим, за повышение голоса, за неповиновение — он блокирует мои карты, и я остаюсь ни с чем. Таким образом, он манипулирует мной и думает, что я прибегу к нему с извинениями. Ведь бедность, по его мнению, это худшее наказание, которое невозможно вынести.

Не тут то было! Да, я привыкла жить в достатке и даже слишком, но отсутствие денег меня не пугает. Возможно, данное наказание просто уже закалило меня. Точно так же, как люди закаляют здоровье в морозы, ныряя в ледяную воду. Постоянство становится привычкой.

В последнее время наши скандалы в доме придерживаются одной темы — мое поступление в университет. Мой дед — прославленный хирург, отец последовал его примеру и так же посвятил свою жизнь хирургии. Теперь он считает, что у нас какое-то поколение хирургов, и я обязана продолжить их дело. Это маниакальное желание сделать из фамилии Вишневских какой-то клан мне не по душе, и я не собираюсь становиться частью этих сумасшедших.

Я хочу посвятить свою жизнь медицине, но только чуть в ином направлении. И я придерживаюсь своей мечты, поэтому вчера с уверенностью объявила отцу, что подаю документы в университет на кафедру терапии.

Он был в ярости.

Я знала, что так будет, поэтому заранее, перед непростым разговором, сняла определенную сумму с карты, чтобы доехать до Москвы и подать документы в университет, и обратно вернуться в Ейск. Но немного не рассчитала с суммой и теперь стою на остановке вокзала Ейска в ожидании автобуса, чтобы доехать до дома.

Я насквозь промокла под летним дождем, который начался внезапно и сильно, как только я вышла из вагона поезда

и побежала к остановкам. Мои рыжие волосы превратились в сосульки и прилипли к коже. Нежно-голубое платье до середины бедер на бретельках стало моей второй кожей — налипло вплотную.

Иногда мое упрямство доходит до абсурда и становится моим наказанием.

Автобус подъехал, и я вбежала в него самой последней, поскольку повторно изучала табло с информацией, по какому маршруту он едет. Не хочется оказаться на другом конце города и ждать еще один ненавистный мне автобус. Они для меня еще более невыносимее в жарком городе. Из-за духоты в салоне я еще сильнее раздражаюсь на весь мир и не контролирую себя.

Я стала копаться в своей сумочке в поисках последних наличных, чтобы передать их водителю за проезд, который ожидал денег с недовольством на лице и уже терял терпение. Мне всегда казалось, что водители общественных транспортов, как по кописку, все озлобленные. И постоянно возникает вопрос при входе в автобус: они родились такими или же постоянная, скучная и ничем непримечательная работа водителя превращает их в таких невыносимых сухарей?

Я уже готова была вручить деньги водителю, как вдруг с первого сидения вскочил молодой парень и грубо выхватил из моих рук сумочку.

— Эй!

Я хотела схватить наглого и бесстрашного парня за фут-

болку, но он выскользнул из моей хватки. Я уже готова была впасть в отчаяние и кричать о помощи, хотя равнодушные люди, сидящие в автобусе, вряд ли захотят помочь. Людям нет дела до чужих проблем, этому я убедилась давно.

Но как говорят: «Мир не без добрых людей.» Наглый воришка успел только прыгнуть из автобуса, не пробежав и метра. Я увидела его валяющимся и стонущим от боли на асфальте, когда развернулась и планировала бежать за ним. Другой парень поднял мою сумочку, заботливо встряхнул ее от пыли и вручил мне. А так называемый грабитель держался за шею и истошно начал кашлять.

— Будете заявлять в полицию? — послышался приятный голос моего спасителя.

Я сглотнула и приняла свою сумочку, прижав ее к груди. Снова взглянув на воришку, я поняла, что он уже получил свое наказание, и отрицательно помотала головой. Незнакомец кивнул и просочился в автобус, вручив водителю деньги за проезд. А я так и замерла на месте, пытаюсь прийти в себя после этого нелепого инцидента.

— Девушка, здесь люди торопятся. Если вы не собираетесь ехать, то выходите!

Я резко направила острый взгляд на источник противного звука. Женщина прижала к своему большому животу сумки и отвернула голову к окну, будто безучастна.

Я добрейшей души человек. Но меня легко вывести из себя. И эта толстая, неуверенная в себе женщина одной фразой

добилась того, чтобы я вышла из себя. Мое настроение и так скверное из-за дождя, который превратил меня в ободранную курицу, из-за этой дурацкой ситуации с ограблением, которая произошла из-за моей невнимательности, так еще и эта грубиянка, не умеющая сочувствовать чужому потрясению, давит на мое нервное состояние.

— Да пошла ты! — рявкнула я.

Я передала водителю деньги за проезд и смахнула сырые волосы назад.

Двери автобуса закрылись, и он тронулся с места. Я пошатнулась из-за движения, схватившись за поручни, и села на свободное место рядом со своим спасителем.

— Невоспитанная, — где-то позади буркнул голос той же самой женщины, но я уже не стала обращать на нее свое внимание, окончательно смягчившись после такого благородного жеста.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Не всегда встретишь такое благородство.

— Не за что, — снова этот приятный голос, заставивший меня повернуть голову и рассмотреть своего спасителя.

На нем штаны и футболка цвета хаки, из-под которой отчетливо виднеется груда мышц. Даже кубики пресса можно увидеть, настолько она его облегает. На коленях большой зеленый рюкзак, будто он возвращается из полевых условий. На голове черная кепка, которая скрывает его такие же черные волосы. Шевелюра по бокам отстрижена, и я уже дога-

дываюсь, к какому слою населения относится этот парень.

— Военный? — вслух уточнила я свои мысли.

— Да, — с нежеланием ответил парень.

Мне казалось, что до данного моего вопроса он был куда дружелюбнее. А теперь даже приятный голос опустился чуть ниже, став грубее. А мне все равно хотелось говорить с ним.

— И как? Тяжело?

Парень перевел на меня свой взгляд. Синяя бездна очаровывает и притягивает. Взгляд цепкий и пронзительный, буквально заставляет меня застыть. А лицо... Я подметила, что парень очень красивый. Просто умопомрачительно хорош собой. Не только по моим меркам, но и, уверена, по мнению многих не слепых девушек. Острые черты лица говорят о его серьезности и уверенности. Ему на вид лет двадцать пять. Хотя это щетина может прибавлять ему года.

Я невольно начала поправлять свои сырые, растрепанные волосы, когда такой красавчик решил смотреть на меня дольше, чем три секунды. Будто эти жалкие действия могут спасти мое положение, ведь сейчас, в отличие от него, я выгляжу ужасно после неожиданного «душа» под дождем. Если я посмотрю на себя в зеркало, то увижу растекшийся идеальный макияж.

— Ты просто привязываешься к тем, кто тебе помогает, или тебе в общем не с кем поговорить?

— А ты не очень вежливый, — нахмурилась я.

— Это ты верно подметила.

— ПТСР?

— Что? — выгнул он бровь, выражая непонимание.

Я усмехнулась и поправила бретельки платья на плечах.

Парень вытащил свой мобильник и начал что-то печатать. Я бросила мимолетный взгляд на экран и поняла, что он гуглит определение расшифровки ПТСР.

— Нет у меня никакого ПТСР, — с уверенностью опровергнул он мое предположение и убрал мобильник обратно в карман штанов. — Просто не люблю липучек в лице женщин.

— Слушай, у тебя хорошо получается поместить два оскорбления в одном предложении. Ты вроде совершил доброе дело и показался мне хорошим парнем, но стоило с тобой заговорить, так ты оказался грубым мудаком. Как так?

— Какие же оскорбления ты услышала в свой адрес? В отличие от тебя, я не обзывался.

— Ты назвал меня «женщиной» — это раз. Женщиной я буду в сорок, но никак не в восемнадцать. И назвал «липучкой» — это два. А я просто хотела поболтать.

Я скрестила руки на груди и надула губы, демонстрируя свою обидчивость.

Такие сложные парни мне еще не попадались. Обычно передо мной преклонялись. Все мои одноклассники пытались получить мое внимание, но я не люблю встречаться со сверстниками, поскольку парни начинают взрослеть только с двадцати плюс. А в восемнадцать они кажутся мне неандертальцами, которые застряли в своей эволюции и больше не развиваются.

У меня были одни отношения с байкером двадцати двух лет в прошлом году. Они продлились месяц, поскольку этот уверенный в себе «член» ждал от меня только секса. Но максимум, на что он имел право, так это удовлетворить меня языком и пальцами.

У меня принцип — не лишиться девственности с тем, в ком я не уверена.

— Ладно, извини, — заговорил парень, привлекая мое внимание.

Извинения от него исходят искренние, поэтому я приняла их.

— Я давно не общался просто так. И тем более с девуш-

кой. Там, где я обучаюсь, слишком строгие правила. В том здании я превращаюсь в сухаря. И когда я возвращаюсь на летние домой, то проходит достаточно много времени, чтобы прийти в себя и понять, что я нахожусь в обычном мире с обычными людьми.

Я внимательно выслушала его и закивала.

— Спасибо, что поделился. Я сразу так и поняла, что военные далеки от дружелюбия.

Парень усмехнулся.

— На себя посмотри. Если ассоциировать человека с цветами, то ты точно роза с шипами.

Я повернула к нему голову, одарив скептическим взглядом.

— Она вывела меня. Начала выпендриваться, когда я находилась в напряженной ситуации.

— Ты всегда такая прямая и жестокая, — уверенно отчеканил он.

— С чего ты так решил?

— Вижу, — пожал он плечами.

Автобус остановился на остановке и открыл двери. Вошла пожилая женщина с ведром полевых цветов и оплатила проезд, тяжело дыша.

— Значит, ты видишь людей насквозь? Ну и что ты скажешь обо мне? — скрестила я руки на груди.

Женщина прошла мимо меня и ее цветы хлестнули меня по лицу. Я с раздражением оттолкнула ее ведро руками, про-

цедив:

— Можно аккуратнее? Здесь люди!

Парень усмехнулся, привлекая мое внимание.

— О чем я и говорю.

— Можно подумать ты бы промолчал, — пробормотала я, поглаживая щеку.

— Промолчал бы. Она не заметила. Здесь тесно.

— Да, я резкая, но это не значит, что я жестокая.

Почему-то доводы этого незнакомого парня задели меня. Будто от его мнения зависит моя жизнь. Или у нас, у девочек, в крови казаться хорошими перед симпатичными парнями. Это, видимо, не контролируется.

— Ты — дочь богача, которая мало знает о выживании, — на мое удивление продолжил характеризовать меня парень, заставляя сконцентрировать на нем пронзительный взгляд. — Ты знаешь, что тебе ничего не сделают, потому что папа точно отмажет, поэтому такая дерзкая. Любишь все делать назло и выводить людей на эмоции.

— С чего ты решил, что я дочь богача? — сдавленно спросила я, решив заставить парня усомниться в своих словах, ведь он во многом не прав.

— По тебе видно: взгляд, повадки, привычки. И сумка от Шанель за сотни тысяч долларов.

Я неосознанно схватилась за свою сумочку, которая никакой ценности для меня не имеет, ведь она не последняя в моей жизни. Хотя наглый воришка, наверное, тоже заметил

ее высокую стоимость, поэтому решил рискнуть украсть ее в людном месте. В основном такие сумки дарят мне друзья отца на дни рождения, и я сама не знаю, сколько они точно стоят. Но данная сумка действительно дорогая, ведь содержит в себе бриллианты на значке «Chanel», а фурнитуры — из белого золота.

— У тебя острый глаз, — прочистив горло, признала я. — Но ты бы мог еще подумать, что я какая-нибудь эскортница.

Парень усмехнулся и фыркнул, окинув меня насмешливо-оценивающим взглядом.

— Губы натуральные, груди нет и ягодицы еле заметны. — Я неосознанно прикрыла декольте своей сумочкой, когда этот прямолинейный парень без стыда начал рассматривать мою грудь. — И эскортницы обычно проводят свои будни на Патриках или в Дубае, но никак не в Ейске.

— Поразительно, — пробубнила я и отняла от парня взгляд, смотря на голую серую стену, которая отделяет нас от водителя. — У тебя отменные комплименты. Лучше не открывай свой рот в компании девушек, иначе рискуешь получить несколько пощечин.

Незнакомец хрипло и коротко посмеялся.

— Не планировал находиться в их компании.

Я выдала озорную улыбку и хитрый взгляд.

— Я тоже могу кое-что сказать о тебе. Ты — ограниченный человек, который отдал свою жизнь военному делу и больше ни о чем не желает знать. У тебя узкий мир, в кото-

ром ты спрятался от чего-то или от кого-то. У тебя точно какая-та травма, которую стоит проработать. Признавайся, женоненавистник?

Парень вздохнул и поднялся на ноги, хватая свой рюкзак. Затем он чуть склонился, чтобы быть ближе к моему лицу, держась за поручни.

— Среди своих людей я открытый и позитивный. Это ты, липучка, с которой я не хочу иметь ничего общего, поэтому такой скрытый и необщительный. Дай пройти.

Я сжала челюсти, не показывая своей обиды снова. Наоборот, показала улыбку и блеснула дерзким взглядом. Я повернулась на сидении, убирая свои ноги в сторону, чтобы этот мудака, которого мне не повезло отблагодарить за помощь, смог свободно пройти и не задеть меня.

Парень встал перед дверью, расставив ноги на ширине плеч. Он выше меня на голову и в разы крупнее многих мужчин. Такому не составит труда вырубить кого-нибудь одним ударом. В принципе, я не сомневаюсь в своих доводах, ведь увидела его способности наяву.

Признаться, красивый мудака. Даже округлые ягодицы привлекают внимание. Но язык — острый, а взгляд — сильно колючий.

Я тяжело вздохнула и почуяла шлейф аромата, который он оставил за собой. Пахнет... головокружительным цитрусом с древесными нотками.

Автобус остановился и незнакомец, застрявший в моей

голове на неопределенный период, бросил на меня последний нечитаемый взгляд. Я скрестила руки на груди и показала ему язык. Парень усмехнулся, демонстрируя ямочку на щеке, и вышел из автобуса.

Наверное, я больше никогда его не увижу. До моей точки еще пять остановок. Живет он довольно далеко.

Да и не хочу я больше сталкиваться с этим типом. Он способен растоптать мое спокойствие за секунду своими речами, которые этот парень не привык фильтровать. Такими людьми для постоянного общения я себя не окружаю. Себе дороже.

Дождь прекратился за тридцать минут пути и небо прояснилось. Выглянуло солнце, превращая все вокруг в пекло несмотря на вечернее время. Вода на асфальте мгновенно начала испаряться.

Я вышла на своей остановке. Ориентир — большой дуб. Несмотря на то, что я каждое лето провожу часть своих летних каникул на даче отца в Ейске, все равно имею привычку не запоминать досконально местность.

В этом году, в связи с экзаменами, в июне я не смогла поехать вместе с семьей в Грецию. Поэтому в московском доме я проживала одна, полностью погруженная книгами. Не считая поваров и горничных.

Я довольно хорошо сдала свои экзамены, стараясь учиться. Желание стать терапевтом у меня появилось еще в ше-

стом классе, поэтому я взялась за учебу и «грызла» гранит науки с особой тщательностью.

Сначала я думала, что стараться учиться и знать все предметы «на отлично» не имеет смысла, ведь папа все равно оплатит мою учебу. Но, повзрослев, я осознала, что на лечебное дело он денег не выделит. Поэтому я и решила добиться высоких баллов и поступить на бюджетную основу. В тайне тратила карманные деньги на репетиторов, вместо красивой и брендовой одежды с другими развлечениями.

Я вошла в дом и сняла свои грязные босоножки, которые изрядно испачкала, бегая по лужам.

Когда проходила мимо гостиной, услышала противный голос и замерла:

— И где же ты шлялась в таком виде?

Я закатила глаза и повернулась всем корпусом, чтобы видеть эту ненавистную мне женщину. Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и лениво пилила ногти. Глядя на меня, она дунула на ногти своими обмазанными красной помадой губами, смахивая таким образом ногтевую пыль.

— А тебе то какое дело? Не засоряй свой мозг ненужной информацией, иначе он перестанет функционировать из-за большого объёма знаний. Памяти то там маловато.

Она усмехнулась.

— Как ты со мной разговариваешь, соплячка?

— Ух ты, а ты давно стала намного старше меня? Ничего, что тебе тридцать?

— Василис, мы бы могли дружить, — с ехидством проговорила она, приторно улыбаясь.

— С тобой? Никогда. Ты же поверхностная. Только и делаешь, что тратишь деньги отца и удовлетворяешь его в постели. Ты больше ни на что не способна. У нас с тобой разный интеллектуальный уровень.

На протяжении моего монолога Розалия продолжала улыбаться и демонстрировать свой змеиный нрав. Она самая ядовитая и ненасытная змея, какие только существуют. И в пищевой цепочке хищниц занимает первое место. Она сожрет любую, если несчастная посмеет позариться на ее место под солнцем. Ведь Розалия даже добилась бракосочетания с моим отцом, хотя долгое время была лишь любовницей. Даже при жизни мамы...

Ненавижу ее.

— Но я хитрая, а ты — нет. Дорогой! — приторно-сладко позвала она отца, и я закатила глаза.

Любительница демонстраций. Она занимает первый ряд, когда мы с отцом ругаемся. В ней имеется какая-то тактичность, признаю. Она хотя бы не берет с собой попкорн, когда смотрит это представление. Но настраивает она отца против меня знатно сильно. Будто видит во мне конкурентку. Как нелепо.

Отец вальяжно спустился со второго этажа. Наверняка опять сидел в своем кабинете и писал свою книгу.

Несмотря на возраст, а ему сорок девять, отец делает все,

чтобы выглядеть превосходно. Посещает фитнес-центры и следит за фигурой. Его возраст лишь выдают морщины вокруг глаз и на лбу. Конечно, ради таких молодых любовниц необходимо держать планку. Хотя если бы отец был полный и с животом, постоянно потеющим и непривлекательным, то Розалия бы все равно не побрезговала. Отец для нее — просто мешок с деньгами.

И он это понимает. Эта девица рядом с Виктором Вишневым просто имидж и хорошая возможность потрахаться с молодым и гибким телом. Высокие отношения.

— Посмотри только в каком виде пришла домой наша дочь. Где она была со вчерашнего вечера, не знаешь?

Мне захотелось похлопать ее игре. Строит из себя невинную и непонимающую мать, которая переживает за своего ребенка.

Отец окинул меня оценивающим взглядом, который вскоре приобрел суровый характер.

— Ты где была, Василиса? — прогремел его недовольный голос.

— И не надо придумывать небылицы про ночевку у подруги. Их у тебя здесь нет.

Я сжала челюсти и вздохнула, соединив пальцы перед собой. Моя злость кипит внутри, а крышка, в виде моего терпения, начинает свистеть.

— Я летала в Москву, — честно призналась я, не собираясь придумывать отмазку. — Я же сказала тебе вчера, папа,

что буду подавать документы в университет.

Отец вздохнул. Его ярость отразилась на лице. Он положил руки на бедра и сделал несколько шагов по направлению ко мне. Жесткая подошва ударила по паркету несколько раз, отбивая ритм моего спокойного сердца.

Я не боюсь отца. Раньше могла таить страх перед ним, поскольку с раннего детства изрядно насмотрелась на его жестокие проявления. Но стоило ему раз ударить меня по лицу в порыве гнева, как не только мой страх перед ним улетучился, но и мое уважение к нему испарилось.

Отец сцепил руки за спиной, демонстрируя свой фирменный жест превосходства.

— Значит ты все же послушалась меня и решила сама строить свою жизнь.

— На то она и моя.

Отец закивал.

— Хорошо. Если она твоя, то и живи, как хочешь. Без моих денег, — сделал он акцент на своей последней фразе.

Я бросила мимолетный взгляд на Розалию и увидела ее довольную ухмылку. Тошнотворное зрелище.

— Я уже сыта твоими угрозами, папа. Хорошо, я поняла. Что-то еще? Может мне отдать одежду, которую ты мне купил? Не садиться за стол? Предупреди заранее, чтобы не ставить меня в неудобное положение.

— Не дерзи, мерзавка! — заорал отец, покраснев от злости. — После смерти матери ты вовсе потеряла рассудок и

попутала все берега!

— Да это ты изменился до неузнаваемости с ней! — крикнула я, указывая рукой на мерзкую особу на диване.

Крышка терпения вылетела прочь.

— Я твоя дочь! И я просто хочу быть терапевтом, а не хирургом! Что в этом такого!?

— Ты должна была продолжить мое дело!

— Так пусть она рождает тебе сына, и он продолжает твое дело. Что? — уже обратилась я к Розалии через плечо отца. — Не можешь иметь детей после многократных абортов, шлюха?

Сильный удар по щеке заставил меня пошатнуться и схватиться за лицо. На глазах выступили слезы, но уже не из-за обиды или разочарования, а из-за резкой боли в виде жжения. К отцу я уже давно ничего не питаю — ни любви, ни ненависти. Сплошная пустота.

— Ну, за что она так со мной, дорогой? — услышала я притворный плачевный голос Розалии.

— Извинись перед ней немедленно! — процедил отец, смотря на меня безумными глазами.

— И не подумаю, — рявкнула я и побежала в сторону лестницы.

Глава 2. Случайности - не случайны

Андрей

Я сделал последнюю затяжку и потушил окурок о подошву берца, бросив его в мусорный бак. В училище таких привилегий нет. Ведь нам запрещено иметь какие-либо зависимости. Они мешают службе. Например, если снайпер захотел покурить, когда ему несколько часов приходится держать под прицелом вражескую территорию, то в нем пробуждается раздражение — посторонняя эмоция, когда снайпер должен быть хладнокровным в данный ответственный момент. И это желание может стоить ему жизни и жизни его товарищей.

Не зря когда-то избирали тех снайперов, которые не имеют семью — слабую сторону. Для такой роли необходим пустой, холодный и безразличный ко всему человек. Ни к чему не привязанный.

Я встал со скамьи и закинул рюкзак на плечо, шагая по каменистой тропинке парка в сторону своего дома.

Жара нестерпимая. Мне хочется, как можно скорее, избавиться от этих плотных штанов и снять берцы, чтобы упрятать их на полтора месяца в шкаф и забыть на некоторое время. Мои ноги давно не ощущали, какого это ходить в легкой дышащей обуви.

Я снял кепку и ладонью вытер пот со лба, спрятав голову

от солнца вновь. Воздух душный, особенно под вечер и после дождя. Люди, которых я встречаю по пути домой, ходят с маленькими ручными вентиляторами или веерами.

В середине июля туристов в Ейске особенно много. За девять месяцев учебы я отвыкаю от людей и вообще от всего внешнего мира. Забываюсь и попросту выпадаю.

Я усмехнулся. Та девчонка в автобусе была права, что я ограниченный человек. Я действительно отдал себя военному делу и больше ни о чем не желаю знать.

Мне было проще изолироваться. Думать только о том, как на учениях в камуфляжном зимнем костюме пройти незамеченным от врага и «застрелить» его, успешно выполнив задание.

Внешний мир слишком болезненный. И чаще всего люди избегают своей реальности, спрятавшись в ограниченном мире. В это число несчастных вхожу и я.

Я достиг своего дома, войдя частный сектор, и неуверенно постучался в дверь костяшками пальцев. Через пару секунд дверь передо мной отворила мама. Она судорожно выдохнула и тут же накинулась на меня с объятиями.

— Приехал, наконец, — прошептала она, кое-как обхватывая мою шею, встав на носочки.

— Конечно приеду, Елена-прекрасная, — усмехнулся я, крепко обнимая маму.

Вскоре в прихожей появился отец и одарил меня улыбкой.

— Здравствуй, сын, — голосом командира поприветство-

вал он меня и протянул руку.

— Здравствуй, отец, — улыбнулся и я и пожал его крепкую руку.

Мой отец, Николай Огнев, полковник в отставке. В далеком тысячи девятьсот девяносто восьмом, в двадцать шесть, он участвовал в Косовской войне, освобождая часть Сербии от косовских албанцев. Тогда он был старшим лейтенантом и за боевые заслуги вскоре получил капитана. Отец продолжил свое дело и дослужился до полковника. В сорок восемь он вышел на пенсию в связи с ухудшением здоровья. Но если бы не мама, которая настаивала на его уходе из армии, отец бы продолжал нести службу. Такова натура всех военных.

Прежде чем сесть за стол, я принял душ и переоделся после долгой дороги. Восемь часов пути выбивают все силы. Так уж получилось, что место моего обучения расположено в Благовещенске и расстояние до Ейска не маленькое.

Я обтерся полотенцем и сразу же натянул шорты. Выйдя из ванной комнаты я продолжал вытирать полотенцем влажные волосы, медленно добираясь до своей комнаты. Я поднял голову, когда приравнялся с закрытой дверью пустующей спальни.

Сглотнув, я потянулся к ручке двери, и, когда коснулся ее, убрал руку так резко, словно обжегся. Поспешно зашагал дальше, к своей соседней спальне, оставляя дверь, которая вызывает болезненные воспоминания, позади.

Вообще весь этот дом вызывает плохие воспоминания. Порой мне не хочется приезжать в Ейск, но меня ждут родители, и я вытаскиваю немислимые силы из себя, чтобы перебороть свои болезненные чувства.

Некоторые места вызывают боль, и как жаль, когда этим местом является твой родной дом, который становится клеткой с тяжелыми воспоминаниями.

Я натянул футболку и спустился на кухню, где меня ждут родители. Мама, как всегда, к моему приезду приготовила грандиозный ужин. От вида вкусной еды у меня мгновенно выработалась бешеная слюна, и о военной выдержке я забыл напрочь за доли секунды.

— Боже, это превосходно, — простонал я с полным ртом, закатив глаза, когда мои вкусовые рецепторы коснулись мяса по-французски.

— Кушай, сынок. Вас там голодом морят. Еда наверняка как сено.

— Прекрати выставлять военный мир как что-то ущербное, Лена! — рявкнул отец, но по-доброму, без гнева в голосе.

Я улыбнулся. Несмотря на болезненное прошлое, я все же счастлив оказаться в кругу своей семьи. Пусть и неполной.

— Посмотри на него. Каждый год приезжает, и каждый год другой. Сильный, взрослый, физически развитый мужик.

— Я знала, что если рожу сына, то он обязательно пойдет по стопам отца, — проворчала мама.

— Не служил — не мужик.

Я продолжал уплетать еду, будто у меня там черная бездна, и сопровождал разговор родителей улыбкой. Их несерьезные споры всегда забавляли меня.

Конечно, если бы не сложное обстоятельство в нашей семье, то я бы вряд ли решил отучиться на снайпера и вообще отдавать этому делу всю свою жизнь. Я бы мог пополнить ряды ФСБ и стать оперативником, находясь вблизи дома. Но, как я уже говорил, здесь отныне мне тяжело находиться.

— Сынок, тебе остался еще один год и что потом? Куда ты?

— Отправлюсь в Хабаровск. Пополню ряды сухопутных войск.

— А семьей когда обзаведешься? — нахмурилась мама, складывая руки на столе.

Я вздохнул и надавил пальцами на переносицу. Чем ближе мои двадцать пять, тем чаще мама поднимает этот ненавистный мне разговор.

— Мама, мне двадцать три года.

— Вот именно! Пора уже обзавестись девушкой, сблизиться с ней, сыграть свадьбу. На это уходит не один год.

— Мама, не каждая девушка готова ждать. Я пропадаю на девять месяцев, и неизвестно на сколько буду пропадать, когда начну служить.

— Он отправился учиться туда с полным осознанием, что навсегда останется один, — обратилась мама уже к отцу и

стала уплетать свою порцию.

Я вздохнул и потер лоб ладонью.

— Всему свое время, — встал на защиту отец. — Не торопи его. Действительно, пусть лучше появится та, которая готова ждать. Такая, как ты.

Отец взял руку мамы и поцеловал тыльную сторону ее ладони, полностью усыпляя ее бдительность этим жестом. Мама заулыбалась и совсем забыла о своих требованиях в мой адрес.

Я кивнул отцу в знаке благодарности и продолжил свой ужин уже в спокойствии, когда мой мозг не нагружают ненужной информацией.

Семья...

Я думал о ней, когда в девятнадцать встретил Адель. Она знала о роде моей деятельности и клялась, что готова ждать всю жизнь. Я развесил уши и был очарован этой девушкой. А через девять месяцев я нашел ее в постели... у своего брата. Решил так сделать сюрприз и приехал домой на два дня раньше без предупреждения. Так я помешал их утреннему сексу.

Черт бы побрал эту стерву! Она подорвала мое доверие ко всем абсолютно.

Горький опыт всегда оставляет отпечаток на всю жизнь, и ты уже смотришь на мир иными глазами.

Сон сегодня никак не шел. В училище отбой уже в десять,

если нет ночных учений. Но дома я не могу спать по ночам. Эти стены вызывают самые различные воспоминания, особенно в первый день моего пребывания здесь после долгой учебы. Меня одолевают дурные мысли, охватывая мой разум в плен. Они хаотичные и у меня не получается собрать их в кучу.

Я натянул шорты, футболку и кроссовки. Спустился тихо на кухню, чтобы меня не услышали родители, и достал из холодильника бутылку с холодной водой.

Вышел на улицу и засунул наушники в уши, включив музыку. Обычно тренировки выбивают из моей головы все мысли, вызывая одну лишь усталость, благодаря которой я сваливаюсь спать без задних ног. Это уже выработанная привычка, которая устоялась в училище. Там я всегда занят, всегда тренируюсь и нет времени на то, чтобы думать про свою жизнь. В мыслях лишь то, как одолеть противника и остаться в живых.

Когда я занимаюсь пробежкой, а особенно ночной, не замечаю, как преодолеваю расстояния. Вот я уже оказался на тропе по пути на пляж «Виста», который находится в одном километре от моего дома.

Я выдохнул и занял скамью, чтобы отдышаться и выпить воды. По моему телу текут капли пота. Я смахнул их со лба и с жадностью отпил половину воды из бутылки.

Мой мобильник завибрировал в кармане, и я достал его, чтобы посмотреть уведомление. Тяжело дыша я вчитывался

в содержание СМС от своего друга, немного щурясь из-за того, что соленые капли стекают на глаза.

Дима: Послезавтра я буду в Ейске, дружище. Как там? Много девчонок?

Я усмехнулся.

Андрей: До отвала. Тебе хватит на полтора месяца.

Дима: Супер. Жди. Будем оживать.

Я вздохнул и убрал мобильник обратно в карман, делая музыку в наушниках тише.

Мой друг выбрал то же направление, что и я, но только обучается в Хабаровске. Он, как и я, не спешит обзавестись семьей, ведь это большая ответственность. Да и тяжело для нашего сорта найти ту, которая готова терпеть и ждать. Поэтому он развлекает себя случайными связями, заранее накупив презервативы уже по пути в Ейск. Здесь много молодых туристок, которые не прочь так же обзавестись красивым парнем на время отпуска. Вроде курортного романа.

Я услышал на стороне звук и повернул голову. Какая-то девушка вся в слезах заняла скамью неподалеку от меня, резко падая на нее. Нас разделяет пустая скамья. Сначала я не предал ей никакого значения, но затем рассмотрел копну рыжих волос и вернул на девушку свой заинтересованный взор. Она ярко вытирала слезы со щек, которые, по всей видимости, текут из ее глаз непрерывно. Эти дерзкие зеленые глаза умеют плакать?

Я не могу ошибаться и полностью уверен, что это та са-

мая девушка, с которой мы «мило» пообщались в автобусе. Просто сейчас она показывает себя совсем с иной стороны — уязвимой и слабой.

Она шмыгала носом и достала мобильник из сумочки. Нашла там чей-то номер и приложила его к уху.

— Алло? Ксюш? — слезно проговорила она.

Ее голос дрожит и мое сердце почему-то сжалось. Наверное, такого надломленного и отчаянного голоса я просто никогда не слышал. Она села на эту скамью и ее печаль распространилась в радиусе в пятьсот метров, что каждый, кто попадет под этот купол, почувствует ее грусть.

— Ты говорила, что не знаешь, где провести остаток каникул? Приезжай, пожалуйста, ко мне в Ейск. Мне очень плохо. Только я не обещаю тебе крышу над головой. Сама понимаешь. Твоя мама щедрая и наверняка даст тебе денег на отель.

Она немного помолчала, выслушивая свою собеседницу.

— Спасибо тебе. Жду.

Рыжеволосая девушка убрала мобильник в сумочку и заплакала навзрыд, кидая голову на ладони, опираясь локтями в колени.

Я сглотнул и отвернулся от нее, сжав челюсти. Мне почему-то стало так ее жаль, что внезапно появилось желание подойти и утешить девушку. Давно я не чувствовал подобных эмоций. В автобусе она была такой дерзкой и отталкивающей натурой, но я все равно помог ей. Не мог пройти мимо и позволить тому ублюдку стащить ее сумочку. Наверное, в

силу своих возможностей заглядывать глубоко в душу человека, я предвидел вот эту ранимую сторону в ней.

Эта дерзость — всего лишь маска, но я не стал говорить ей об этом в автобусе.

Я хотел снова взглянуть на нее, но сдержался. Я подавил в себе желание подойти к ней, а просто встал и продолжил пробежку в обратную сторону. Пусть я лучше буду последним мудаком, коим названием она и наградила меня, не зная имени, чем стану чувствительным сопливчиком и стану утешать ее. Да и к тому же мы просто незнакомцы. Я не сестру оставил ночью, одну на скамье, и не обязан переживать.

Какая-то нелепая случайность. Я вновь встретил эту девушку, хотя считал, что больше никогда не увижу ее, и эта случайная встреча останется позади.

Признаюсь, своим каким-то редким магнетизмом и очарованием эта рыжеволосая бестия привлекла меня. Я увидел в ней какой-то стержень, от нее исходят бешеные эмоции, которые во мне давно притупились. В ее возрасте я был таким же развязным и, видимо, я потянулся к ней только из-за того, что ощутил давно забытые реакции. Увидел их в ней.

Я не долгое время общался с ней в автобусе, но этого времени мне хватило, чтобы... ожить, наверное. Понятия не имею, как назвать этот необъяснимый фактор. Но я определенно почувствовал себя иначе. Во мне будто на несколько минут проснулись дремлющие эмоции.

И это плохо.

Я слишком много времени потратил на то, чтобы чувствовать себя мертвым, ведь так намного проще. Эмоции — это слабость и мне они ни к чему. Я притуплял их и заставил заснуть, чтобы стать идеальным в своей деятельности. А эта девушка... она почему-то повлияла на меня и взбудоражила.

Надеюсь, я больше не встречу с ней. Она несет для меня опасность. И я не хочу думать о том, что с ней будет этой ночью. Я не хочу думать о том, куда она пойдет.

Но почему-то продолжал думать и эти мысли отнимали мой покой.

Глава 3. Дружба или что-то большее?

Василиса

Я открыла глаза, когда внезапно услышала стук в дверь своей комнаты. Я простонала и провела ладонями по лицу, стараясь отогнать остатки такого соблазнительного сна, которого этой ночью у меня оказалось мало. Да и не только этой ночью.

Вчера ко мне приехала Ксюша — моя подруга и одноклассница, с которой мы сблизились в шестом классе и нашли много общего. Пол ночи я провела с ней, прогуливаясь по освещенным паркам, изливая свою душу. До этого я не спала всю ночь из-за очередной ссоры с отцом, после которой у меня будто до сих пор горит щека после безжалостного удара.

Я не заметила, как снова начала засыпать, но настойчивый стук в дверь снова разбудил меня. Я вздрогнула и отлепила сонные глаза.

— Кто бы это ни был — уходи, — пробормотала я, пряча голову под подушкой.

В спальню некто вошел без приглашения и отобрал у меня подушку, натываясь на меня полуспящую.

— Василиса, вставай. Я тебе деньги принесла. Пока отца

с Розалией нет, и они не видят.

Я распахнула глаза и увидела перед собой сестру. Она, как обычно, с недовольной рожей. Анфиса небрежно бросила три оранжевые купюры на мою прикроватную тумбочку и снова взглянула на меня.

— Я верну, как только заработаю, — прохрипела я сонным голосом.

Сестра хмыкнула.

— Можешь не возвращать. Не мои же лично заработанные. Главное, чтобы отец не узнал.

Я схватила деньги и убрала их внутрь тумбочки.

— Не узнает, — заверила я и приняла сидячее положение, смахнув взлохмаченные волосы назад.

— Пора тебе перестать ругаться с ним.

— Это ему пора перестать ругаться с мной, — исправила я старшую сестру и встала на ноги, поправляя короткие пижамные шорты на бедрах.

Я смахнула плотные шторы, пропуская солнечный свет в комнату.

— Seriously. Это уже выходит за рамки.

— Это потому, что Розалия щедро подливает масло в огонь. Достала она меня. — Я взглянула на сестру с прищуром, показывая таким образом хитрые намерения, устоявшиеся в моей голове. — Может подставить ее перед папой?

Анфиса вздохнула и развернулась, чтобы вернуться в свою спальню. В коридоре она встретила горничную и по-

просила ее отнести завтрак в комнату.

Моя сестра практически не выходит оттуда. А если мы в Москве, то засиживается там в своей комнате и никакие уговоры не заставят ее выйти и прогуляться. А если мы едем в другую страну на отдых, то она не покидает территорию отеля. Ей уже двадцать, а сидячий в одной комнате образ жизни Анфиса ведет два года. Даже красивую и брендовую одежду она заказывает через сайты с доставкой. Для чего они ей? Да просто хотя бы как-то скрасить свои серые будни. Тем более она всегда любила красивую одежду и хотела представлять ее.

Анфиса радуется себе как может вне цивилизации и общения. Больше она ничего не хочет и не желает. Из хобби — раскраски антистресс, чтение и просмотры сериалов.

Анфиса не всегда была такой отстранённой и серой. Я бы сказала, не живой. Раньше она была жизнерадостной и веселой, окружая себя роскошью и людьми. Ей завидовали многие девчонки, ведь от нее исходила бешеная харизма. Но вскоре огонь в ней погас и будто навсегда.

Когда-то моя сестра захотела пройти кастинг в модельном агентстве. Искала она их через интернет. Естественно, отец ни о чем не знал, ведь раньше Анфиса, как старшая, обязана была продолжить дело отца и унаследовать клинику. Тогда до меня он еще не докапывался, и я ощущала относительную свободу. Мне было шестнадцать, когда я хранила в тайне ото всех склонность сестры. Она хотела стать мировой моделью

и навсегда уехать в Европу. Будто хотела повторить судьбу Ирины Шейк. Не зря она так тщательно следит за ее жизнью. Хотя уже перестала.

Агентство Анфиса нашла, но ведь в интернете можно написать все, что угодно. Агентство оказалось левым, и Анфиса чуть было не попала в сексуальное рабство. В день так называемого кастинга моя сестра подверглась групповому изнасилованию и кое-как выбралась из того злополучного места. Вернулась она домой во рванье, в синяках, в крови, полуживая...

В тот страшный момент я даже была рада, что мамы уже не было с нами. Не знаю, как бы она пережила этот кошмар, что случился с ее дочерью. Смотреть на страдания своего ребенка хуже, чем переживать их самой.

От Розалии не исходило никаких утешений. Она осталась в стороне. Не знаю, смогла я увидеть в ее стеклянных глазах сочувствие или мне все же показалось.

А вот отец изрядно накричал на Анфису. И плевать он хотел, что тогда ей необходима была немедленная медицинская помощь. Для него было важнее сначала прочитать свою нотацию, ведь это так необходимо. Вот только сестра сидела на диване и будто не находилась с нами в одной комнате. Она не слышала отца. Анфиса осталась в том ужасе и продолжала переживать его, прокручивать в голове и уничтожать себя за такое безрассудство. Она гналась за собственной красивой жизнью, наплевав на безопасность.

Я вызвала скорую, я находилась рядом с ней, и я утешала ее. Но после Анфиса словно забыла об этом. Она возненавидела не только себя, но и всех вокруг, включая и меня. Будто я должна была предвидеть эту жестокость и остановить ее в тот вечер. Она абстрагировалась от себя, от мира и от людей. Замкнулась в себе и никого не подпускает. А отец больше не дергает ее, практически не разговаривает с ней, не скрывая своего отвращения к собственной дочери...

Это еще раз доказывает его холодное и безразличное отношение к нам.

Тяжело наблюдать за тем, как родной тебе человек медленно иссыхает, а ты не в силах остановить это медленное самоубийство. Возможно, таким образом жизни Анфиса желает наказать, проучить себя. Она словно заложила в себе установку, что не имеет право жить как нормальный человек.

Я хочу ей помочь, но понятия не имею как, ведь Анфиса всех отталкивает. Тяжело помочь тому человеку, который не ждет помощи и не ищет ее.

Я приняла душ и привела себя в порядок, учитывая погоду за окном. Солнце светит высоко и горячо. По телевизору передают, что в тени уже +26. Я мерзлячка, но такая жара для меня испытание. Я сразу же надела свой любимый отдельный купальник розового цвета и легкое зеленое платье до середины бедер на бретельках. В Ейске в летнее вре-

мя другая одежда точно не понадобится. Я специально, перед отъездом, запаслась только такими платьями, шортами и майками. Волосы собрала в высокий пучок, вытаскивая передние пряди, чтобы они обрамляли мое лицо. Собрала в шоппер необходимые вещи: полотенце, крем от загара, ска-терть для пикника, кошелек с отданными сестрой деньгами.

Мы с Ксюшей договорились встретиться в парке и поехать на пляж.

Мне придется быть экономной, прежде чем я найду работу и буду обеспечивать себя сама. Будет тяжело совмещать с учебой, но иного выхода у меня не наблюдается. Папенька устроил для меня настоящие игры на выживание.

Я спустилась вниз, скользя рукой по вычищенным до блеска перилам. Там наткнулась на тишину и увидела лишь горничную в гостиной, которая старательно протирала подоконники и большие окна. Кажется, отец построил в этом маленьком городке самый большой дом и любой прохожий уже знает, кому он принадлежит.

— Добрый день. А где хозяйева? — полюбопытствовала я.

Женщина обернулась на мой голос. Я не знаю, как зовут тех, кто помогает по хозяйству и готовит еду, просто бы не запомнила, ведь эти люди меняются здесь каждый сезон.

— Они еще утром уехали в Краснодар, — осведомила меня добрая женщина.

Я кивнула и зашагала к выходу.

Наверняка это Розалия потащила отца в цивилизацию, от-

влекая его от работы, чтобы развлечься. Еще при жизни мамы мы постоянно приезжали сюда, чтобы отдохнуть от шума и людей, чего в Москве навалом. Отец работал в тишине, а мама его не отвлекала, занимаясь мной и Анфисой.

А эта вертихвостка думает только о себе. Ей же скучно, ее всегда необходимо развлекать, иначе надутая кукла сдуется.

Ненавижу ее до скрежета зубов.

Тем лучше, что их нет. Я смогу спокойно провести свой день и не лицезреть тех, кто портит каждую секунду моей жизни.

Я нашла подругу на скамье под деревьями. Она махала перед собой веером и, кажется, медленно погибала от жары.

— Привет. Как тебе в Ейске? — с издевкой спросила я.

— Очень жарко. Мне кажется, я таю.

Я посмеялась сравнению Ксюши и помогла ей встать со скамьи, потянув за руку.

— Я вызову такси, — предупредила она. — Куда нам, гид?

— Пляж «Молодежный», — осведомила я подругу. — Там меньше всего туристов, поскольку с детьми этот пляж посещать неудобно.

— Почему? — поинтересовалась Ксюша, не отвлекаясь от приложения «Uber».

— Там места для купания очень мало, да и не особо безопасно.

Ксюша подняла на меня настороженный взгляд.

— Ты куда меня везешь?

Я посмеялась ее нелепому страху.

— Да брось, там намного лучше, чем в Центральном пляже. Лучше тишина и некое дикое место, чем куча людей и множество голосов.

— Да, пожалуй, ты права, — все же согласилась она со мной. — Такси приедет через пять минут.

Стоя под солнцем, я уже ощутила, как капли пота стекают по моей спине. Самой не терпится окунуться в море и не вылезать из воды до тех пор, пока кожа не сморщится.

Добрались до назначенного места мы довольно быстро. Водитель такси щедро обволакивал салон автомобиля холодным воздухом, и мы с Ксюшей просто растаяли от наслаждения на заднем сидении.

Мы шли вдоль песчаного берега и искали более удобное место, где сможем расположиться. Моя подруга прихватила с собой ягоды. В местных кафе мы прибрали мороженое, после чего постелили скатерть, полотенца, нацепили очки, обмазались кремами и улеглись на теплый песок, принимая солнце.

С удовольствием наелись холодного мороженого и расслабились, после чего немного искупались. Я уже была на этом пляже и знаю, какой берег лучше всего подойдет для купания. Во многих местах на дне моря камни и подводное течение, отчего купаться на данной территории небезопасно. Поэтому я держала подругу за руку, чтобы она чувствовала

себя в некоей безопасности и могла понимать, где мы можем остановиться.

Купающихся мало, а вот катающихся на виндсерфинге полно. Большинство парни, девушек единицы. После купания мы с Ксюшей снова улеглись на полотенца и просто наблюдали за этим завораживающим зрелищем, поедая ягоды.

— Я тоже хочу попробовать, — изъявила желание моя подруга, заново собирая свои белокурые локоны в высокий пучок. Чтобы они действительно были белые, Ксюша тратит на окрашивание большие суммы. Помню, как я еще пошутила, когда она впервые показала мне себя новую, что она красит так свои волосы, чтобы в старости не увидеть первую седину.

— Ты грохнешься сразу, как только встанешь на доску, — пробубнила я.

— Ты совсем в меня не веришь?

— Дай-ка подумать... Верю, но я не хочу потом отвечать перед твоей мамой и рассказывать, где ты сломала ногу в Ейске.

— Я могу подцепить любого красавчика, он мне поможет.

Я усмехнулась. Безудержная оптимистка и любительница красивых парней. При этом очень самоуверенная, ведь на практиках она уже поняла, что действительно способна подцепить любого красивого парня.

Ксюша Цветкова та еще охотница, несмотря на свою нежную фамилию. В нашей школе имеется футбольная команда, которая всегда выезжает на игры с другими школами, или

другие школы приезжали к нам. Так моя подруга выбирала самых красивых из нашей команды и по очереди встречалась с ними. Однажды пришлось наблюдать драку между двумя парнями из параллельного класса из-за Ксении Цветковой. Любительница внимания была этому довольна, в отличие от меня. Я же была в ужасе от увиденного, ведь парни дрались серьезно и могли сломать друг другу что-то в порыве ярости.

— А мама только рада была спровадить меня. У нее новый любовник. Пока отец в командировке, она развлекается с ним.

— Отца не жаль?

Ксюша фыркнула.

— Он не отстаёт от нее. Такие у меня родители. Но я не лезу. Пусть только деньги начисляют на мою карту.

На самом деле, я знаю, что моя подруга переживает из-за такой непростой обстановки в своей семье — когда родители не наслаждаются друг другом, когда не находят друг в друге утешение, а ищут все эти прелести семейной жизни на стороне. И, видимо, поэтому Ксюша хочет потеряться, отстраниться от этой реальности, удовлетворяя себя различными связями и деньгами.

Наши родители раньше тесно общались, но после смерти мамы они перестали устраивать встречи. С Розалией даже круг общения у отца изменился.

Мы с Ксюшей не заметили, как расслабились под солнечными лучами и не сразу поняли, что к нам кто-то присоеди-

нился. Лишь после того, как услышали голос, мы оживились.

— Девушки? Вы не скучаете тут одни?

Я приподнялась на локтях и устала на двух парней. Увидев знакомое симпатичное лицо, я чуть приспустила очки на нос, не веря своим глазам. Я ведь была уверена, что больше не увижу его, но наши пути снова пересеклись вне зависимости от наших желаний.

Незнакомец так же осмотрел меня с неверием, а затем фыркнул и качнул головой, наверняка так же удивляясь сюрпризам судьбы.

— Ой, очень скучаем.

Я закатила глаза, услышав реплику своей подруги. Не сомневалась, что она ответит именно так.

— Дмитрий, — протянул парень ей руку с очаровательной улыбкой, чуть нагибаясь.

— Ксения, — протянула она свою руку в ответ, и молодой человек поцеловал тыльную сторону ее ладони, смотря при этом прямо ей в глаза, будто пытался околдовать.

Затем он протянул руку мне, но я не приняла ее, продолжая рассматривать другого парня, который так же не сводил с меня своих синих глаз. Он открыто рассматривал меня целиком, заостряя свое внимание на моей талии и ногах.

— Не вежливая у тебя подруга, Ксюша, — коротко охарактеризовал меня некий Дмитрий.

— Ой, не обращайтесь на нее внимание, мальчишки. Она...

— ...недоброжелательная, — закончил за нее пока еще

незнакомец.

Ксюша и Дима уставились сначала на него, а затем рассмотрели меня, сопоставляя пазл в голове с общей картинкой. Я решила лишь язвительно улыбнуться его сравнению и промолчать.

— Вы знакомы? — неуверенно уточнил его друг.

— Я бы так не сказал. Просто это невоспитанная девушка, которую я, к сожалению, выручил в автобусе.

Я вскинула бровями, полностью снимая солнцезащитные очки, нацепив их на голову.

— Это он? Тот хам? — удивилась моя подруга.

— О, я популярен. Уже всем обо мне растрепала? Какое прозвище дала? А, мудака?

— Молодец, пять, — заговорила я.

— Такие фразы, будто вы самые злейшие враги, — усмехнулся Дима.

— Так и будем называть себя различными прозвищами или все же назовем имена? — взяла я на себя часть, когда мы должны все же представиться друг другу, если нам суждено встречаться в этом городе, пусть даже случайно.

— Андрей, — низким голосом назвал свое имя мой так называемый спаситель.

— Василиса, — представилась я.

— Какие же у вас прекрасные имена, девушки, — пытался снять напряжение Дима своими теплыми фразами и неким флиртом, назовем это так. — Если мы все познакомились,

то какие у вас планы на вечер?

— Никаких, — опередила меня Ксюша, когда я только успела открыть рот.

Я одарила подругу осуждающим взглядом, а она в ответ махнула рукой и шикнула. Да, такое удачное знакомство она точно не упустит. Ведь первый ее вопрос был таков, когда я встретила ее на вокзале: «А в этом городке хотя бы красавчики есть?» А эти парни как раз те самые красавчики. Синеглазый так вообще обморочно красив.

Я мысленно поругала себя за такие мысли и отняла от него оценивающий взгляд, которым бессовестно его рассматривала.

— Тогда предлагаю немного вместе искупаться, покататься на серфах, а потом посетить очень крутое заведение. Музыка, коктейли, — намекал Дима, подмигнув Ксюше, и та расплылась под вниманием красивого парня.

По телосложению он выглядит точно так же, как и Андрей. И прическа идентичная. Видимо, они из одного теста, то есть, обучаются в одинаковых условиях. Тоже из военных. Только волосы у него блондинистые, а глаза — голубые.

— Ой, я только за. — Ксюша поднялась на ноги. — Как раз искала того, кто покажет мне, что такое виндсерфинг. Вась? — повернула ко мне голову моя подруга, приглашая присоединиться.

— Я не хочу. Останусь здесь. Развлекайтесь.

Дима взял мою подругу за руку и повел за собой, не стес-

няясь рассматривать ее задний профиль открыто. Ловелас, мать его.

Я думала, что останусь одна, но мой новый знакомый тоже остался на берегу и занял место Ксюши на полотенце. Я вдруг почувствовала неловкость и, чтобы не придать вида, нацепила снова очки и улеглась на своем полотенце.

Но я все равно чувствовала его присутствие, как бы не старалась забыться, и почему-то начала дышать чаще. Во рту стало нестерпимо сухо, и я бы не отказалась от стакана холодного лимонада. Наверное, это его взгляд на меня влияет, которым Андрей периодически награждает меня.

И с чего его внимание ко мне так возросло? В автобусе я клещами вытаскивала из него слова, а взгляда вовсе практически не удосуживалась. Мое полуголое тело так на него влияет? Признаю, за фигурой я слежу, и она у меня безупречная, несмотря на то, что этот тип обесценил мои формы в том же автобусе. Из-за его слов моя самооценка не рухнула.

Я мысленно фыркнула. Очередной, которого привлекает в девушке лишь то, что находится под оберткой.

Я приподнялась на локтях и начала глазами искать нужную палатку, где смогу купить желанный лимонад. Иначе рискую умереть от жажды.

— Я куплю, лежи, — вдруг послышался его голос, и я перевела на парня удивленный взгляд.

Он что, умеет читать мысли? Тогда плохи мои дела.

В следующую минуту мы сидели на берегу, перетащив по-

лотенца, чтобы волны омывали наши ноги. Мы медленно пили лимонад через трубочку и смотрели на горизонт. Неподалеку я могла видеть свою подругу, которая отлично проводит время с Димой. Им осталось поцеловаться, ведь тела друг друга они успели изучить за считанные минуты, прижимаясь друг к другу вплотную.

— За лимонад не возвращать долг? — заговорила я.

— Я не настолько беден, — усмехнулся Андрей.

— Твой друг не обидит мою подругу?

Я все же решила поддержать хотя бы какой-то разговор, чтобы не тонуть в тишине, которая нагнетает рядом с ним. Просто не знаю, куда себя деть.

— Если она влюбчивая, то обидит, — честно признался он.

— Тогда нет никаких проблем. Она любит играть с парнями.

— А Дима — с девушками. Так нам одинаковые по духу друзья выпали, — заметил Андрей.

— Вроде того, — улыбнулась я.

Мы недолго помолчали, но мне это все же не нравится. И я снова беру на себя роль разговорчивой. Плевать, могу нести любую чушь, я не переживаю за свою репутацию, готова быть дурнушкой, главное чувствовать себя комфортно.

— А ты всегда такой короткословный и скуден на эмоции?

Андрей повернул голову и блеснул своим оценивающим взглядом.

— А ты всегда такая любопытная? — я не упустила тон, в котором скрылись нежные нотки.

— Не люблю молчать в компании. А ты как стена — холодная и неодушевленная. Если нам суждено тут сидеть, то давай поговорим о чем-нибудь.

Андрей вздохнул, опираясь ладонями о песок чуть позади себя, подставляя свой идеальный пресс к солнцу. Его футболка лежит на плечах, и я только сейчас заострила на его теле свое внимание. Безупречная стена, хочу сказать. Преступление иметь такое умопомрачительное тело, идеальное лицо, но скверный характер.

— Давай поговорим, — нехотя согласился он. — Только о чем?

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— А мне восемнадцать. На кого учишься?

— Не скажу.

— А я поступаю в медицинский на терапевта.

Андрей вдруг рассмеялся — хрипло и глубоко.

— Ты какая-то удивительная, — внезапно проговорил он.

Я замолкла и резко отвернула от него лицо, пытаюсь скрыть румянец и смятение. Может для него это просто сравнение, обычные слова, но я потеряла дар речи, ведь это красивый комплимент по меркам девушек. Я вдруг отбросила дурное мнение о нем, что его привлекает в девушках только то, что находится под оберткой. И изменил он мои доводы

одной фразой, которая заставила мое сердце забиться сильнее.

— Никогда не затыкаешься? — взглянул он на меня, задав этот вопрос по-доброму.

— Я уже сказала, что просто не люблю молчать в компании. Я люблю разговаривать, это дар.

— Липучка и болтушка, — снова подразнил он.

Я нахмурилась.

— Называй это как хочешь.

— Разве ты любишь людей?

Его вопрос застал мне врасплох, ведь он прозвучал так резко и не в тему, что я растерялась.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты сказала, что поступаешь на терапевта.

Это же врач.

— А, ну, да. Мне нравится быть полезной, помогать людям.

— Но при этом ты любишь покричать на них и проявлять ненависть?

Я усмехнулась и покачала головой. Как он это делает? Почему-то с этим парнем я полностью обезоружена. И под оружием я подразумеваю свою дерзость и словесные передразнивания, которые раздражают любого. Мне хочется общаться с ним на непринужденные темы и узнать его поближе. Возможно, на меня влияет его скрытность. Обычно я смотрю на человека и вижу хотя бы что-то, ведь он показывает

себя с какой-то стороны. А этот парень вовсе закрыт. Он — как глыба льда, внутри которого что-то замерзло. И это *что-то* привлекает меня, как закрытое сокровище, до которого добраться достаточно тяжело. Сначала необходимо пройти испытания и препятствия.

Боже, я что, начинаю что-то чувствовать к этому парню, которого знаю от силы два дня? Не может быть. Я не имею привычки привязываться, тем более так скоро.

Да, это всего лишь интерес, — убеждаю себя мысленно, чтобы отбросить панику.

— Некоторые взрослые этого заслуживают, ведь они осознанно пытаются разозлить. Есть хорошие, а есть плохие. И я отношусь к людям так, как они этого заслуживают. Ну, а если ко мне на прием придет плохой человек, то я все равно ему помогу, ведь это будет моей работой. Даже плохие в ком-то нуждаются, — уверенно отчеканила я, глядя на его лицо.

Андрей впитал мои слова и задумался, будто ему понравились мои умозаключения. Он слишком внимательно смотрел на меня, не отрывая оценивающий взгляд, под которым мне стало неловко и захотелось поерзать на месте.

Я что, заинтересовала его?

Очень кстати к нам вернулись Дима с Ксюшей и благодаря им я отбросила свои пугающие мысли, возвращаясь в свое русло.

— Ну, что? Едем?

— Нам сначала переодеться надо, — предупредила моя

подруга.

— Предлагаю доехать вместе до центральной улицы и разойтись. И встретиться там же через час. Вам хватит этого времени на сборы?

— Да, вполне, — одарила его улыбкой Ксюша.

Она открыто флиртует с первых секунд знакомства с этим парнем. Кажется, кто-то сегодня не будет ночевать в отеле, а займет вторую половину мужской кровати. Хорошо, что она предохраняется.

Так мы и сделали. Андрей помог мне собрать полотенца и даже по-джентельменски забрал мой шоппер, чтобы донести его до машины такси. Может он и скрытный, но свое благородство он демонстрирует открыто. Сначала автобус, потом лимонад, затем просто элементарная помощь. Видимо, этим он меня и цепляет, ведь даже такой минимальной заботы со стороны мужчины я никогда не получала. К сожалению, отец не стал тем самым необходимым примером.

Переднее сидение занял Андрей. А на заднем, между мной и Ксюшей, устроился Дмитрий. Они постоянно о чем-то перешептывались и смеялись, а я лишь раздраженно закатывала глаза и плотнее прижималась к двери, отдавая свое внимание пейзажу за окном.

Обычно Ксюша брала на себя роль по обольщению парня. А сейчас я наблюдаю картину наоборот — Дима делает все, чтобы вскружить ей голову. Кажется, по обольщению он сильнее моей подруги, но Ксюша не пытается уступить. От-

дельный вид спорта, не иначе.

Когда мы выехали на трассу, водитель прибавил скорость. Далеко за допустимую. Дорога первые несколько минут была свободной, пока на крутом повороте какой-то ненормальный не решил обогнать машину на своей полосе и выехал на встречную. Наш водитель от неожиданности не знал, как поступить правильно и просто на автомате повернул руль в ту сторону, на которой, по его мнению, безопаснее. По левой стороне машина, впереди — машина. Остается правая сторона, но там кювет в поле.

Я не успела словить панику. Вскрикнула, когда ударились головой о дверь, и она закружилась. Ударов было несколько и со всех сторон. Кажется, я просто потеряла сознание, поскольку наступила темнота.

Глава 4. Страх

Андрей

Я истошно закашлялся, когда машина, наконец, остановилась и тряска прекратилась. Подушка безопасности медленно сдувалась передо мной, открывая мне вид спереди. Я сощурился и увидел лишь белый дым, который исходил из двигателя. Машина издавала протяжный, хриплый звук, словно как человек постанывала от боли.

— Андрюх, — сдавленный голос моего друга и кашель.
— Ты как там?

— Нормально, — честно ответил я.

Голова гудела от удара и немного кружилась. Колени я тоже повредил о бардачок. Нос... из-за удара подушкой безопасности из него вытекла кровь, но кажется не сломался.

— Я тоже нормально, — услышал я женский еле слышимый голос.

Водитель рядом со мной потерял сознание. Его голова лежала на сдутой подушке безопасности. Коснувшись пальцами его пульса на шее, я понял, что мужчина жив.

— Похоже, Василисе не совсем нормально, — отозвался мой друг снова.

Я резко пробудился от туманного состояния и открыл свою дверь. Она кое-как поддалась из-за того, что крыло автомобиля помялось, и это блокировало шанс открыть дверь

свободно.

Я вышел из задымленного салона и пошатнулся, схватившись за виски. Но я не думал про свое состояние. Мне вдруг стало важно помочь Василисе в первую очередь. Передо мной очередная цель, которую я обязан достичь и получить вознаграждение. И это вознаграждение в виде открытых глаз Василисы и убежденности, что с ней все хорошо.

Я открыл заднюю дверь, и Василиса выпала из салона в мои руки, которые я тут же подставил, не позволяя ей упасть на землю. Я знаю, что нельзя вытаскивать людей из автомобиля после аварии, но мне показалось, что с костями у Василисы все в порядке, поскольку водитель все же постарался избавить нас от резкого удара, и машина не перевернулась.

Я осторожно вытащил Василису полностью из салона и уложил на зеленую траву. Обнял за плечи, прижимая ее голову к своей груди.

— Василис, — позвал я ее, слегка шлепнув пальцами по щеке.

Но она не отреагировала.

В животе связался непонятный узел, а в груди образовалось противное жжение. Сердце сжалось, и я не до конца осознавал реакции своего организма, вызванные состоянием Василисы. Я напуган тем, что она не открывает глаза и не реагирует.

— Скорая уже едет, — осведомил меня Дима, помогая Ксюше выйти из салона.

— Что с ней? — взволнованно спросила подруга Василисы, падая перед нами на колени.

Я осмотрел блондинку и не обнаружил ни единой царапины на ней, нашел лишь испуг в карие глазах, когда у Василисы разбита голова чуть выше виска, а из раны вытекает кровь, окрашивая ее щеку в красный. Видимо, Дима среагировал и сгруппировался на заднем сидении, обняв Ксюшу. А вот Василиса ничего не успела сделать и ей некому было помочь.

— Открывай глаза. Ну же, Василек, — прошептал я, поглаживая ее по щеке.

В груди образовался непонятный мне, незнакомый трепет. И этого я тоже испугался. Я погряз в волнении, который мешает мне дышать свободно и рационально мыслить.

На учениях, когда необходимо было помочь боевому товарищу, я сохранял спокойствие и хладнокровие. Никакие чувства не мешали мне выполнить свою задачу. Но сейчас я растерян и сильно напуган за чье-то состояние. Эта девушка действительно вызывает во мне бурные эмоции. Кажется, она единственная на планете такая, и мне довелось встретиться с ней. Но для чего? Ведь она опасна для меня. Ее существование мешает мне. И в данный момент я убеждаюсь в этом.

Я внимательно осмотрел Василису на наличие других повреждений, но не обнаружил их и расслабленно выдохнул. Из-за волнения мои руки и ноги тряслись.

— Андрей, она же не умрет? — со слезами на глазах спросила Ксюша, рассматривая свою подругу.

— Не умрет, конечно, — убедил я ее спокойным тоном, хотя внутри меня бушует ураган из неопределенностей и сомнений, напроць вынося мою эмоциональную стабильность.

Дима поднялся на дорогу, чтобы встретить скорую. К счастью, она приехала очень быстро. Врачи осмотрели Василису, которая пострадала больше, чем все остальные, после чего я поднял ее на руки и аккуратно, словно фарфоровую куклу, положил на носилки. Ее голова безвольно легла на жесткую ткань, а свои зеленые глаза она так и не открыла.

— Вам требуется помощь? — спросила меня девушка-врач, когда я немигающим взглядом следил за тем, как Василису уносят.

Я отрицательно помотал головой и сглотнул. Краем глаза заметил, как на другие носилки укладывают водителя.

— Кто поедет с пострадавшей? Для водителя мы вызвали еще одну машину.

— Андрей, — моего плеча коснулась женская рука. — Давай ты, мне надо поехать к ней домой и сообщить родным про случившееся.

— А я поеду с Ксюшей, — предупредил меня друг.

Я сжал челюсти и кивнул, после чего направился к машине скорой помощи. Мне указали сидение, на которое я могу сесть, и это сидение прямо рядом с Василисой. Я взглянул на ее руку и невольно потянулся к ней, сжав в своей. Она

такая холодная...

В больнице Василису увезли в реанимационный отдел, а мне стали задавать непонятные вопросы, на которые я не могу ответить, ведь ничего не знал про Василису. И сейчас я жалею, что не откровенничал с ней на берегу моря, когда она яро желала узнать меня получше. Я только знаю, что она скоро станет терапевтом, но эта информация сейчас не поможет ей.

— Какая у нее группа крови? Есть ли аллергия на препараты?

— Я ничего не знаю, — пришлось честно ответить доктору.

— Понятно. Случайный попутчик.

— Скоро здесь будут ее родные, — осведомил я доктора и он, кивнув, скрылся за дверями реанимационного отдела.

Меня все же убедили подстраховаться и осмотреться. Как я и предполагал, отделался царапиной на носу и ушибами на коленях. Отец говорил мне, что если ты военный, то обязан знать свое тело и чувствовать любые изменения. Это поможет выжить.

После этого я мог бы уйти, но продолжал сидеть в клинике, возле дверей реанимационного отделения, и ждал вердикт доктора. Прошло уже около получаса, но из реанимации все еще никто не вышел. И это выводило из остатков равновесия окончательно.

Краем глаза я уловил движение и повернул голову. В мою сторону надвигались Ксюша, Дима и еще какая-то незнакомая мне девушка. Когда она приблизилась, то я смог рассмотреть ее получше. Она немного напоминает мне Василису, только волосы темнее и короткие, а вот черты лица почти не отличить. Цвет глаз — один в один. И все же мне кажется, что у Василисы они ярче. В них сияние ведьмовского огня.

— Что-то говорили? — обратилась она ко мне.

Я отрицательно помотал головой.

Девушка вздохнула и села рядом. Ксюша села напротив нас, а Дима продолжал стоять, опираясь спиной к стене. Все мы молчали и кажется прошла целая вечность с тех пор, как Василису повезли в скрытую ото всех остальных зону.

— Как тебя зовут? — обратилась ко мне сестра Василисы, нарушив тишину.

— Андрей.

— Спасибо тебе, Андрей.

— За что? — удивился я, обратив на нее свой взор.

— Ксюша мне рассказала в подробностях, как ты оберегал мою сестру до тех пор, пока не приехала скорая. И после был рядом с ней. Василиса очень боится одиночества. Она бы испугалась, если бы открыла глаза в машине скорой и увидела одних чужих людей.

Я сглотнул. И все же она такая ранимая и нежная несмотря на шипы. Действительно роза. Красивая и рыжая роза.

Двери реанимации наконец отворились и показался док-

тор. Мы все повыскакивали со своих мест и ждали слов, которые облегчат наши ожидания.

— Все позади. Ей действительно досталось больше всех. Ударилась головой, что вызвало легкое сотрясение и резкую потерю сознания. Сейчас она в норме, приходит в себя. Кто родственник?

— Я. Сестра.

— Вы можете навестить ее. Остальным — нельзя. В палату переведем завтра. Домой можно будет забирать через два дня.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Выздоровливайте, — похлопал меня доктор по плечу и покинул нашу компанию.

Сестра Василисы быстро исчезла из поля нашего зрения, наверняка отправилась в реанимационную палату к сестре, как только ей дали зеленый свет.

Хорошо, что все обошлось и с Василисой все в порядке. Я заметил, что только сейчас смог расслабиться. Но не заметил, в какой момент начал переживать за жизнь едва знакомой мне девушки, о которой я практически ничего не знаю. В панике я стал прокручивать в голове информацию о ней, к которой имею доступ. Потому что мне хотелось хотя бы что-то знать о ней. А что еще более пугающе — мне хочется увеличить свои познания.

Ей восемнадцать, и она хочет поступить на терапевта. У нее умопомрачительно рыжие волосы и яркие зеленые глаза.

Она липучка и болтушка, у нее едва закрывается рот, и никто не сможет предвидеть наперед, что она этим ртом скажет — обвесит проклятиями, пошлет или же съязвит. Мало вероятно, что услышишь от этой девушки что-то доброе. Она удивительная и ее можно называть «василек» из-за нежного имени. А еще она боится одиночества.

— Ну и день, — выдохнул мой друг, когда мы вышли на крыльцо клиники.

Ксюша находится между нами и выглядит она не радужно. Заплаканное и грустное лицо доказывает, что девушка сильно переживала за свою подругу.

— Ксюша, давай я вызову тебе такси, — предложил я.

— Нет, я сама, спасибо. Как-нибудь увидимся.

Она помахала нам и спустилась по лестнице, исчезнув среди деревьев.

— Прикольная, — послышался голос Димы. — У таксиста был регистратор, думаю, скоро найдут этого придурка, что выехал на встречную.

— В багажнике осталась сумка Василисы, — вспомнил я.

— Не думаю, что там было что-то важное.

— Телефон. Думаю, он ей понадобится. Поехали.

Я начал спускаться по лестнице.

— За телефоном? — удивился мой друг.

Я остановился на ступеньке и обернулся.

— Да.

— Да брось, она купит новый. Ты бы видел, в каком ши-

карном доме она живет, — поделился своими наблюдениями Дима, медленно спускаясь по лестнице за мной.

Значит она и правда дочь богача. Я не ошибся. Но почему совсем недавно я увидел ее всю в слезах? Какие проблемы у нее могут быть, когда она следует своей мечте и живет в шикарных условиях? Можно сказать, в тепличных.

Теперь я еще сильнее хочу расширить свои знания о ней. В следующий раз обязательно начну откровенничать с ней.

В следующий раз?

Огнев, забудь! Куда тебя понесло, черт возьми?

Она не должна заполнить собой мою жизнь. Я не должен этого допустить. Я сбежал от нее тогда, и я должен сбежать сейчас.

Но, черт, каждая новая и при этом случайная встреча только сильнее сближает нас.

— Или ты ищешь причину встретиться с ней снова?

Я резко поднял глаза на друга и заметил хитрый прищур, словно он подозревает меня в чем-то. Точнее начинает подозревать о моем интересе Василисой. Уже и окружающие замечают. Я должен остановить этот поток увлеченности рыжеволосой девушкой, пока не стало слишком поздно.

— Нет. Ты прав, она купит новый.

Я вернулся домой к вечеру. Мама, как обычно, это время проводит на кухне. Она вышла в прихожую встретить меня. Ее улыбка мгновенно спала с лица, на котором застыл ужас.

— Что случилось!?! — воскликнула она. — Ты подрался?

Услышав эти слова, отец вылез из своей берлоги под названием «гостиная с телевизором» и заранее нацепил суровый вид и недовольный взгляд. Он не поддерживает драки без причины. За уличные драки с кем попало можно пойти под трибунал к чертовой матери, если оказаться в обезьяннике, и военком об этом узнает.

— Нет, — принялся я успокаивать родителей, которые питают разные, противоположные эмоции глядя на меня. — Попал в небольшую автокатастрофу. Ехал на такси и на встречную полосу вылетела легковая машина. Водитель не справился с управлением из-за неожиданности.

— Господи, хорошо, что живой, — причитала чувствительная мама, обнимая меня.

— Ну, хорошо, что отделался парой царапин, — смягчился отец.

Мама подняла на меня глаза, в которых застыли слезы.

— Еще одну потерю я не переживу, имей в виду. Береги себя, прошу, — на грани шепота проговорила она.

Я сжал челюсти и кивнул. Передал испуганную маму отцу и поплелся в ванную комнату, чтобы смыть этот тяжелый и напряженный день.

Испуг мамы оправдан. Потому что мой брат погиб при обстоятельствах автокатастрофы. Я наперед предвидел ее реакцию на мою историю, что даже хотелось как-то скрыть синий след на носу и коленях, только чтобы она не увидела и

не перенеслась на два с половиной года назад.

Мы с Александром считались двойняшками — родились вместе, но практически не были похожи: ни характером, ни внешностью. Он часто шутил про то, что всю красоту и харизму я забрал себе еще в утробе и не поделился с ним. Видимо, он отомстил мне за это и не отказался от идеи трахнуть мою девушку. А через несколько месяцев он разбился на мотоцикле — они были его страстью и слабостью. Скорость для него была всем, но при этом она стала его погубителью. В прямом смысле.

Когда я застукал Адель в его постели, не стал устраивать сцен, в отличие от моей бывшей. Этот статус она получила за секунду. Она ломилась в мою спальню, дверь которой я закрыл, чтобы уgomонить свою бешеную ярость, иначе она приведет к печальным последствиям. Мне не хотелось из-за неверной девушки дать брату по морде. Да, может он и поманил ее в постель, но она должна была отказаться и хранить мне верность. Она сама выбрала этот греховный путь.

Если бы я не узнал про этот позор, то они бы наверняка продолжали трахаться за моей спиной. И это еще более унижительно и паршиво.

Мы с братом поговорили. Он, естественно, просил у меня прощение. Ситуация осталась между нами, но мое доверие подорвалось не только ко всем девушкам, но и к брату. Я больше не верил ему и тайно держал на него обиду. Не смог окончательно простить даже тогда, когда увидел брата в гро-

бу и коснулся его сложенных могильно-холодных рук.

Обиды к человеку не забываются ни при его жизни, ни когда он уходит навсегда. К сожалению.

Я свалился на свою постель и устало выдохнул. Стоило мне закрыть глаза, как перед ними мелькнула копна рыжих волос, а слуха коснулся нежный голос, который она пытается делать строже, когда находится под воздействием ярости.

Я распахнул глаза и вздохнул.

Кажется, кого-то ожидает очередная бессонная ночь. Я давно понял, что отдыхаю на самом деле в своем училище, а не дома. И это огорчает.

За ее сумкой я все же поехал в полицейский участок следующим утром.

Глава 5. Привязанность

Василиса

Я поедала сочные мандарины, которые для меня принесла Анфиса. На юге фрукты совсем другие. Они намного вкуснее, не сухие и точно питают организм витаминами.

До сих пор не могу поверить в то, что Анфиса вышла из своей зоны комфорта. И к этому важному шагу подтолкнула ее я. Точнее, мое положение после автокатастрофы. Все же я небезразлична для нее и это поселяет исцеляющее тепло в мое сердце.

— Ты просила сладкое. Взяла немного. Я принесла еще яблоки. Врачи порекомендовали, — осведомила меня сестра, ковыряясь в пакете с продуктами.

Я смотрела на Анфису, сдерживая слезы, и выражала свою радость широкой улыбкой. Когда она подняла на меня глаза, выразила на лице непонимание.

— Ты чего?

Я пожала плечами.

— Просто рада, что ты со мной. Ты все же меня любишь.

Анфиса вздохнула и села на мою кровать. Она обхватила мои плечи и притянула к себе, крепко обняв.

— Конечно люблю, — пробубнила она, целуя меня в макушку. — Как же иначе. Ты моя младшая сестренка, и я никогда тебя не оставлю.

Сестра погладила меня по голове, задевая белую повязку. Может мне повезло меньше всех остальных, ведь я получила легкое сотрясение, в то время как Ксюша и мои новые знакомые — царапины, но все же отделалась от более серьезных травм. Например, переломов. Не знаю, как бы я провела остаток своего лета со сломанной рукой или ногой. Было бы жутко не удобно и скучно.

Ксюша заходила сегодня утром и поинтересовалась моим здоровьем. Она хвасталась тем, что вчера весь день гуляла с Димой, и что она уже отблагодарила его за ее спасение. Если бы не он, то моя подруга сейчас наверняка бы лежала рядом со мной. Дима прижал ее к своему телу во время столкновения с землей и спрятал от ударов.

Поступок мужчины, если не учитывать его наклонность заглядывать под каждую юбку.

И под «отблагодарить» Ксюша имела в виду секс. Я не удивилась, ведь моя подруга мечтала затащить того парня в постель с первых секунд встречи.

Через Ксюшу даже Дима поинтересовался моим здоровьем и пожелал скорейшего выздоровления. А *он*не заходил. Даже мой шоппер, который забрал из полицейского участка, отдал Ксюше, чтобы она передала его мне. Странно, постарался и нашел мой шоппер, в котором остались важные для меня вещи — мой мобильник и мои последние деньги, — но попросил отдать его мне Ксюшу. Будто он меня избегает.

Сначала я не придавала этому стечению обстоятельств

внимания, но ночью, когда осталась одна с мыслями, почему-то прокручивала в голове его действия. И эти размышления трансформировали в моей душе одну противную эмоцию — обиду.

Я бы могла забыть о нем и не думать о каждом его действии, которое связано со мной. Мне хотелось прекратить анализировать их, но как бы я не старалась, у меня не получается выкинуть этого парня из головы. Даже сотрясение не помогло. Кажется, наоборот, усилило эффект. После случившегося он занимает все мои мысли.

Я не могу, как он, просто забыть обо всем и сделать вид, словно ничего не произошло. Тем более Ксюша рассказала мне, как он оберегал меня после автокатастрофы. Держал в своих руках и пытался привести в чувства. Я должна хотя бы отблагодарить этого парня. Ведь, в отличие от него, я не сухая. А вот из него будто выжали все эмоции, как воду из тряпки после обильной стирки.

— А тот парень сильно за тебя переживал. Андрей, вроде, — заговорила сестра, устраиваясь на моей кровати удобнее, будто прочитала мои мысли.

Она сняла кроссовки с бахилами и подняла ноги, скрестив их в лодыжках.

— Да? — удивилась я, словно слышу это впервые.

И я почему-то постоянно хочу слушать о том, как Андрей спасал меня.

— Не ушел, пока не вышел доктор и не вынес свой вер-

дикт. Как только понял, что с тобой все хорошо, смог уйти.

— Ну, наверное, он просто...

— Наверное, ты просто ему нравишься, — перебила меня Анфиса и заулыбалась.

Я скорчила гримасу, показывая неверие. Здравый рассудок вешает ярлык на предположение Анфисы, как что-то бредовое. А вот сердце упрямо прислушивается и хватается за это сомнительное, но такое приятное мнение.

— Думаешь? Да вряд ли. Он такой отстранённый и холодный. Мне будет с ним скучно, — с важным лицом проговорила я, стараясь не показывать улыбку, которую вызывает сердце, пропитанное недавними словами сестры.

— Да, есть в нем эта черта, я заметила, — задумчиво озвучила свои наблюдения Анфиса. — Но он красивый. Бог мой, какой красивый... — протянула она.

Я пожалала плечами и отвернула голову к стене. В моменте я перестала контролировать свои дрожащие губы, которые сами по себе растягивались в улыбке, а я старалась подавить ее.

— О, о-у, вот ты и попалась, — посмеялась Анфиса.

— Да ну тебя, — пропищала я, слегка ударив ее по плечу ладонью.

— Вижу, что он тебе тоже понравился, — уже серьезнее добавила сестра.

Я вздохнула, осторожно положив голову на ее плечо. Из-за резких движений она у меня все еще кружится и к горлу

подступает тошнота.

— Понравился, — призналась я. — Наверное, еще в автобусе. Мы там с ним познакомились, когда я возвращалась из Москвы, а он ехал домой на каникулы. Понравился, несмотря на его холодное отношение и отстранённость. И я не знаю, как это произошло. Как может понравиться тот, кто отчетливо прочерчивает между нами границу? Кто явно отталкивает и буквально кричит: «Я не хочу отношений с тобой».

— Ох, мне кажется, что ты драматизируешь. Парень умеет контролировать эмоции. Он действительно отстраненный. Но вот что таится внутри него ты же не знаешь. Открой глаза шире, из-за сомнений они у тебя закрываются. Парень сидел на скамье возле реанимационной палаты и ждал информации о тебе. Будь он равнодушен, то ушел бы сразу после первой помощи. Или даже бы не поехал с тобой в машине скорой помощи.

Я снова вздохнула. В последнее время делаю это часто. Сестра рассуждает более здраво, чем я. Она смотрит с другого ракурса и видит иную картину. Только что с этого толку.

Мы давно с ней не говорили вот так по душам. Давно не лежали вот так вместе. Мне этого сильно не хватало, и я невольно прижимаюсь к сестре плотнее. Я вдруг ощутила себя ранимой и уязвимой. Этот парень раскрывает мою душу целиком, но так не должно быть. Розовые очки внезапно спадают, когда я вижу его образ перед глазами и в голове начинает проясняться холодное осознание, которое резко

остужает мое пылающее сердце.

— Да я вообще не понимаю, почему мы это обсуждаем,
— оживилась я, подняв голову.

Я согнула ноги в коленях и прижала их к груди, обнимая руками. Вторая по счету беззащитная поза, после позы эмбриона.

— Ничего не началось и пусть не начинается. Хорошо, что он сдержанный и отстранённый. Мне не нужен курортный роман. Пусть этим довольствуется Ксюша. Я хочу серьезных и долгих отношений.

— А с ним такого не получится, если разобраться?

Я недолго помолчала, задумавшись. Меня бросает из одной крайности в другую. Отношения между мной и Андреем такие шаткие, не имеют никакой определенности, что не получается сделать окончательные и точные выводы. Я говорю, что не хочу даже попробовать с ним, не хочу выяснять отношения, но при этом очень хочу понять, каково это, когда его руки крепко прижимают к горячему телу, а синие глаза, наполненные вожделием, обволакивают разум.

Должно быть я спятила. А всему виной его невообразимая красота и бешеная харизма. Ему даже делать ничего не пришлось, чтобы плотно прижиться в моей голове и уже в сердце. И вот я перестаю рассуждать здраво. Буквально заставляю себя вспомнить про расстояние, которое тянется между нами, как целая вечность. И данный факт тоже должен давать мне отрезвляющую пощечину.

— Да пусть идет он к черту! — выпалила я, что сестра вздрогнула. — Не буду. Чувствую, что с ним я забуду, что такое спокойствие.

Злость во мне вспыхнула мгновенно, и она склонила меня к одной крайности — не пробовать ничего.

На следующий день меня выписали. Приехала за мной так же Анфиса.

Можно подумать, что у нас нет родителей. Отец даже не позвонил мне и не желал ничего знать о моем самочувствии. Я стараюсь не удивляться его холодному равнодушию, но иногда у меня сердце сжимается из-за его наплевательского к нам отношения. Будто мы с Анфисой — это самое бесполезное и ненужное, что есть в его жизни. Конечно, ведь мы не оправдали его ожиданий. Если бы я погибла, то он бы наверняка и слезу не проронил.

Мы с Анфисой вошли в дом и, когда прошли в гостиную, как обычно, наткнулись там на самую главную бездельницу, которая умеет работать только ртом. Она лежала на диване и рассматривала на солнце палец, на котором появилось очередное новое кольцо. Бриллиант просто огромный, и я могу увидеть его даже на расстоянии.

— Явились? — заговорила она, когда заметила нас и приняла сидячее положение. Ее взгляд не уходил от кольца, как и наши с Анфисой. — Выздоровела, головная боль?

— И не надейся, — грозно рявкнула я.

Розалия хмыкнула, будто услышала писк комара, выражая полное равнодушие. Все внимание приковано к кольцу, которое стоит целое состояние и поднимает ее драгоценную самооценку на еще один карат.

— Мы с отцом были на аукционе в Краснодаре, когда позвонила старшая и сообщила, что ты в больнице. — Она на несколько секунд одарила меня своим змеиным взглядом. — Из-за тебя мне пришлось постоянно успокаивать Виктора, потому что его уравновешенное состояние подорвалось.

— Думаю, у тебя получилось сделать все, чтобы он перестал думать обо мне, ведь отец ни разу не позвонил.

Я коснулась руки Анфисы и ушла вперед, к лестнице, намекая ей этим отправиться за мной и, как можно скорее, избавиться от общества этой стервы.

Мы вошли в мою спальню, и я резко села на свою постель, выдохнув. Я сморщилась и коснулась повязки, которую мне можно будет снять только тогда, когда я буду мыть голову, а затем снова вернуть. Доктор сказал, носить ее пять дней точно.

Анфиса поставила пакеты с моими вещами в угол комнаты и заняла кресло на колесиках напротив меня, несколько раз покрутившись на нем.

У меня почему-то не получалось выкинуть из головы момент, когда я увидела на пальце Розалии кольцо из белого золота с внушительным бриллиантом. Это же целое состояние. Можно купить квартиру на окраине Москвы.

— Анфиса? — окликнула я сестру.

— Что?

— Откуда у папы столько денег? Ты никогда не задумывалась? Понимаю, он хороший хирург, но у дедушки не было таких больших денег, хотя он более прославленный, чем отец. Это кольцо стоит два миллиона, не меньше.

Анфиса пожала плечами.

— Может он взял кредит, — предположила она.

— Тогда этот кредит перейдет нам в наследство, потому что там точно больше десяти миллионов. Сколько он тратится на эту корову.

Анфиса усмехнулась.

— Сколько прозвищ для нее у тебя в арсенале? — Сестра вздохнула. — Не знаю, откуда у папы так много денег, но это не наше дело. Мы сами вершим свои судьбы, поэтому отец отвернулся от нас. Тебя он лишил этих самых денег, а меня обеспечивает лишь из жалости. Такова наша реальность, сестренка.

Она с выдохом поднялась с кресла.

— Пойду вздремну. Жара на улице такая, что воздух проедает и мой мозг остался без кислорода.

— Это ты привыкла сидеть в комнате с кондиционером, а потом резко вышла в жару, — прокомментировала я ее состояние.

Анфиса зевнула и покинула мою комнату, а я еще долго мучилась вопросами и предположениями о том, как хирург

может заработать такие большие деньги. Вряд ли две клиники приносят такую внушительную прибыль.

На следующий день мне хотелось сбежать из дома незамеченной. После последней ссоры с отцом у меня нет никакого желания находиться с ним под одной крышей дольше, чем несколько часов. Но наши желания часто не совпадают с реальностью.

Я замерла на лестнице, не преодолев ее до конца. На этот раз отец не сидел в своем кабинете, а расположился на диване в гостиной и увлеченно читал газету. Надеюсь, он все же не оторвется от своего занятия и не обратит на меня никакого внимания.

Я прошла мимо дивана практически не дыша.

— Василиса, — все же окликнул меня отец. Его голос, как обычно, строгий.

Я вздохнула и закатила глаза, медленно повернувшись к нему лицом. Отец сложил газету и снял очки, а затем обратил на меня свой взор. У него слишком пронизательный взгляд, который сейчас в основном прикован к повязке на моей голове. Анфиса помогла мне завязать ее после того, как я приняла душ.

— Ты, по всей видимости, вообще не думаешь головой? — В голосе слышатся твердые и грозные ноты.

Это что? Попытка стать заботливым отцом? Отец никогда не умел жалеть и утешать. Он просто отчитывал нас с Ан-

фисой за любые малейшие безрассудства. Таким образом он выражал свою причастность и ответственность за наши жизни. Но проявление ли это отцовской любви — вот это вопрос риторический.

— Случилась эта автокатастрофа не по моей вине. Не надо переворачивать произошедшее так, словно я устроила это, — сдержанно защитилась я, скрестив руки на груди. — Я не настолько ненормальная — жертвовать собой ради того, чтобы тебе насолить.

— А потому что вместо того, чтобы чаще сидеть дома и заниматься чем-то полезным, ты шляешься не понятно где и не понятно с кем. Именно данное безрассудство источник всех твоих приключений. Или тебе еще напомнить твоего байкера, с которым ты тоже могла разбиться, когда он гнал по трассе от полиции?

Я выдохнула через рот и демонстративно сделала поклон.

— Спасибо тебе, папа, уже в сотый раз, что вытащил меня из обезьянника. Все?

Отец сжал челюсти, испепелив меня гневным взглядом. Затем он немного смягчился и выдохнул, будто в его голове сидит какой-то голос, который подсказал ему, как поступить в данный момент. Неужели голос здравого рассудка в нем проснулся?

Он поднялся с дивана и приблизился ко мне.

— Видимо, клин клином не вышибают все-таки. Ты злишься, я злюсь в ответ и получается хаос.

Я сглотнула. Ого, какие непривычные моему слуху слова исходят из его уст.

— Если я по-доброму попрошу тебя не совершать глупостей, то ты прислушаешься?

Его внимательный и умоляющий взгляд пронзает душу, и я невольно смягчаюсь.

— Папа, я не совершаю глупостей. Просто неприятные обстоятельства преследуют меня и нападают. Я же не намеренно разбилась на машине такси, — спокойно объяснила я.

Отец вздохнул и пробормотал:

— Хорошо, что СМИ не узнают о твоих приключениях и не знают, где и как неприятные жизненные обстоятельства настигают тебя.

Я фыркнула. А я уже уши развесила и даже сердце смягчилось к этому человеку. Все же я наивная. Или же просто сильно устала от равнодушия отца и неосознанно жду момента, когда он покажет свою отцовскую любовь. Все дети такие, если их родители не уделяют им должного внимания.

— Конечно, репутация важнее.

— Ты просто всегда действуешь мне на зло, — нахмурился отец и его голос снова приобрел стальной тон.

— Это все твои выдумки, с которыми тебе удобно жить и обвинять меня во всем! — разозлилась я в ответ.

Отец больно схватил меня за руку и как следует встряхнул, что мои распущенные волосы накрыли мое лицо.

— Не смей повышать на меня голос! — заорал он.

Гнев отца действует как искра, а затем разжигается моментально. И его сильно раздражает, если с ним не считаются. Когда он ощущает, что власть над человеком заканчивается, он желает вернуть данную необходимость. И использует он для этого лишь три способа — злость, сила и угрозы. Он думает, что если выйдет из себя, то я снова начну бояться его и стану подчиняться ему. Но я выросла и вижу, каким ублюдком он стал. Или он всегда был таким, просто в силу своего возраста не замечала его истиной сути. Такого отца я уважать не собираюсь, а прислушиваться к этому ничтожеству тем более. К его пощечинам я уже привыкла.

Отец не видит грани между «бояться» и «уважать». Для него это одно и то же.

— Ты такая дрянная девчонка, не ставишь меня ни во что! Имей в виду, мое терпение не железное, я могу выслать тебя куда подальше, где тебя точно воспитают. В какое-нибудь закрытое учреждение. И не сомневайся в моих способностях.

Я вырвалась из его хватки и смахнула волосы с лица, одарив отца злым взглядом.

— Только и умеешь, что угрожать. Есть более простой способ. Лучше бы постарался наладить отношения со своими дочерьми, а не осыпать вниманием одну эту...

Я осеклась, когда поняла, что если назову Розалию «шлюхой» в присутствии отца, то снова получу пощечину. Ведь он ее ярый защитник. А после сотрясения мне не хочется ощутить на себе еще один удар. Отец, охваченный гневом,

забудет про мое состояние и не пожалеет сил.

— Вам лучше бы было подружиться с ней. Не смей заставлять меня выбирать между вами и Розалией.

— Никогда не буду уважать твою любовницу. Это из-за ее существования мама не справилась с болезнью. Она просто сдалась, потому что ты обещал ей развод после выздоровления. Ты просто монстр!

Отец поднял руку, и я вздрогнула. Он сжал челюсти, снова кинув взгляд на мою голову, и его рука замерла в воздухе. Все же просыпаются в нем какие-то жалостливые чувства, когда он видит меня такую ущербную. Вместо удара отец снова сильно схватил меня за руку и резко притянул к себе.

— Через неделю к нам приезжают Князевы. И ты будешь присутствовать на ужине. Взамен я разблокирую твои карты.

Я нахмурилась. Черт, только не он... Еще один человек на этой планете, который сжирает мое спокойствие, стоит ему показать свою наглую самоуверенную усмешку.

— Хорошо, — процедила я, и отец тут же успокоился, выпустив мою руку. Красная краска гнева спала с его лица.

Он поправил свою футболку и, прочистив горло, развернулся, чтобы вернуться на свое место и заняться своим недавним делом. Я выбежала на улицу и быстрым шагом покинула территорию дома.

Ага, сейчас. Плевать я хотела на его деньги. Отец удивился моему быстрому согласию, ведь я никогда не соглашаюсь

с ним, даже если он выдвигает выгодное предложение. Он не стал анализировать мой ответ, считая, что я сильно нуждаюсь в деньгах, и поэтому без споров быстро дала согласие. Но я так сказала, только чтобы он отстал от меня. На самом деле, я планирую сбежать сразу днем перед ужином, когда в этот дом войдет ненавистное мне семейство.

Если мне что-то не нравится, я не терплю это со скрежетом зубов, а просто ухожу от этой ситуации туда, где мне будет хорошо.

С Ксюшей мы собираемся встретиться через два часа. А пока я буду бесцельно бродить по улицам и рассматривать в который раз местные достопримечательности с бутылкой холодного лимонада в руках. Его я решила купить в ближайшем супермаркете, после входа в который хочется лечь на пол под кондиционерами и никуда больше не выходить. Кажется, что сегодня еще жарче, поэтому по пути я собрала волосы в небрежный пучок, потому что из-за распущенных волос затылок начинает чесаться от пота.

Я открыла холодильник с желанной жидкостью и попятилась назад, рассматривая стеклянную бутылку с лимонадом. Врезавшись спиной в какую-то внушительную фигуру, я вздрогнула и резко развернулась.

— Смотри, куда идешь! — рявкнула я и тут же вскинула брови от удивления.

Мое *препятствие* недолго помолчал, рассматривая меня с тем же удивлением, после чего низким голосом ответил:

— Сама научись смотреть по сторонам. Здесь люди, — сделал он акцент на последней фразе, будто вспомнил ту женщину с ведром цветов в автобусе и то, как я наградила ее своим недовольством, озвучив эту же фразу.

А все же он внимателен ко мне, если запоминает такие мелкие детали из наших встреч.

Я незаметно тряхнула головой. Снова при виде этого парня я растекаюсь лужицей вместе со своими бестолковыми мозгами.

Василиса, соберись!

Я не хотела сталкиваться с ним. Ни сегодня, никогда либо еще. Но сейчас он снова стоит передо мной, такой красивый и обаятельный. И данное обстоятельство окончательно вывело меня из себя. Крупицы какой-то уравновешенности взорвались и рассыпались, словно конфетти.

— Ты что преследуешь меня? — возмутилась я, закрыв холодильник, что получилось резко и несдержанно.

— Конечно, мне же заняться больше нечем, — усмехнулся он.

И снова показалась эта чертова ямочка, которая каким-то образом остудила мой пыл. Я уже убедилась в том, что рядом с этим парнем мои эмоции скачут, как что-то дикое и неконтролируемое. Да и не только рядом с ним они выходят из-под моего контроля, а даже тогда, когда он просто сидит в моих мыслях.

— Извини, тяжелое утро, — пробубнила я, осознав свою

резкость, которая явно не к месту, ведь меня изначально разозлил отец.

Наши встречи с Андреем происходят спонтанно, потому что он тоже может прогуливаться по своему городу и посещать пляжи с супермаркетами. Если бы после нашего случайного знакомства я сразу уехала в Москву, то вряд ли бы снова столкнулась с ним когда-нибудь.

Это я убеждаю себя, что наши случайные встречи не судьбоносные.

— Если вспомнить все наши встречи, то можно подумать у тебя всегда тяжелые утро, день и ночь.

— Тебе просто не повезло. Обычно я добрая и хорошая. А вот про ночи тебе то откуда знать?

Андрей прочистил горло, немного растерявшись.

— Да, ты права. Про ночи я ничего не знаю. Вырвалось.

Наступило молчание. И снова эта неловкость. Я не понимаю, почему продолжаю стоять перед ним, ведь просто могу попрощаться и уйти к кассе. Таким образом, смогу быстро избавиться от его общества и не мучить себя желанием уткнуться в его грудь и вдохнуть этот притягательный и сводящий с ума аромат его парфюма.

Есть такие запахи, которые действуют на женщин и девушек странно, отчего у них отключается сознание напрочь. Колдовство какое-то, не иначе. Такие ароматы придумали сами мужчины, чтобы поставить нас на колени. Вот такой же аромат у Андрея, и я кое-как держусь.

Когда он прижимал меня к своему телу после автокатастрофы, на мою одежду не прилип его запах. Видимо потому, что его смыла вода, когда он купался в море. И к лучшему, иначе я бы даже не постирала то платье, как последняя маньячка.

— Спасибо тебе за помощь, — заговорила я, когда поняла, что все же обязана его поблагодарить, если уж довелось встретиться.

Я заметила, что Андрей тоже не торопился покидать мое общество. Или же я уже намеренно ищу факты, которые докажут, что я для него небезразлична.

— Не за что благодарить. Это обычный человеческий поступок.

Я поджала губы и кивнула. Последняя фраза резанула по живому органу, ведь я неосознанно готовила себя к другому его ответу.

В прошлом году я тоже была в Ейске и получала много внимания от парней. Многие хотели познакомиться со мной — от очень красивых, до средне красивых, — но я грубо отказывала всем, не находя в них той самой изюминки, которая могла бы привлечь мое внимание. А этот парень уже в автобусе, при первой встрече, захватил мой разум, а после своей помощи, после автокатастрофы, и мое сердце пало под прицелом его заботы. В чем же его изюминка? В отстранённости и скрытности? В том, что он не прилипает ко мне в отличие от многих парней?

— Как голова? — снова заговорил он после недолгого молчания, во время которого будто размышлял о том, что ему сказать.

— Нормально, — улыбнулась я, коснувшись холодными пальцами повязки, которые остудила бутылка из холодильника.

— Когда я увидел кровь на твоей щеке, мне казалось, что ты разбила голову так сильно, что больше не проснешься.

Из-за такого откровения с его уст моя челюсть чуть не выпала, но я удержала ее на месте, поджав губы.

— Наверняка ты бы обрадовался, случись со мной такое. Я испугалась этих слов, поскольку могу снова неправильно их трактовать, поэтому решила этот неоднозначный момент перевести в шутку.

— Ты делаешь из меня какого-то монстра, — посмеялся Андрей.

Напряжение между нами немного спало. Я улыбнулась, опустив взгляд, и увидела его колени. Расширив глаза от шока, я снова взглянула на его умиротворенное лицо и выпалила:

— Твои колени... Они просто черные! — испугалась я. Андрей безучастно осмотрел свои колени, затем сказал: — Ерунда. Ударился о приборную панель, когда машина врезалась в землю.

— Не болят? — сочувственно спросила я. Андрей отрицательно покачал головой и слабо улыбнулся.

Его глаза выражают благодарность.

Мы вместе подошли к кассе и расплатились за свои напитки. Точнее, Андрей расплатился, когда женщина у кассы пробила наши бутылки вместе и сразу, думая, что это не отдельный товар, а общий. Затем мы вместе вышли из прохладного супермаркета обратно в пекло, и медленно зашагали по тротуару.

— За лимонад долг не возвращать, это я уже поняла. А за помощь мне после автокатастрофы что-то требуется вернуть?

Я взглянула на Андрея, смотря на него сквозь стекла солнечных очков. Он как-то странно улыбался и будто размышлял о чем-то озорном.

— Только не говори, что хочешь отыгаться на мне за мое поведение и поставить на колени перед собой, чтобы я извинялась за каждую свою грубость, — наигранно ужаснулась я.

Андрей посмеялся.

— Какая у тебя бурная фантазия. Нет, Василис, за свою помощь я тоже не прошу чего-то взамен. Она бескорыстная.

— Как благородно.

Мы достигли небольшого парка и заняли свободную скамью под деревьями, которые могли скрыть нас от палящего солнца. Где-то вдали показались темно-синие тучи, медленно надвигающиеся на город. Очень надеюсь, что дождь не пройдет мимо и немного отгонит невыносимую жару. Я даже готова стоять под непрерывными каплями. Сегодня они

не станут раздражать меня, и я не буду злиться из-за того, что намокла.

Благодаря тени я смогла поднять очки на голову и видеть все в ярких красках.

— Хочешь мороженое? — спросил Андрей, когда мы заметили палатку на колесиках.

Я улыбнулась и кивнула, принимая это заманчивое предложение.

— Что любишь?

— Пломбирное.

Андрей кивнул и ненадолго оставил меня одну. И сейчас, смотря на него издали, я немного отрезвела без его компании и не понимаю, как позволила себе прогуливаться с ним, ведь мне стоит бежать от него как от поедающего все вокруг бесконтрольного огня. Я снова повелась на его невидимые чары...

Я уже серьезно начала задумываться о том, что мне стоит сбежать прямо сейчас, пока он не видит, но... Смотря на него, я не могу найти в себе эти огромные силы.

Как оказалось, мне хочется гореть в этом огне сильнее, чем бежать от него и лишиться удушающего, но тепла, которого мне так не хватает.

Что-то я там говорила про изюминку в парнях? Кажется, нашла ее в Андрее. Это просто тепло. Это просто забота. Банальные вещи, которые становятся редкостью в обществе. Потому что в моем отце этой роскоши нет, как и в тех пар-

нях, которые ухаживали за мной. Их цели были корыстными, они ждали выгоду для себя.

Андрей вернулся ко мне и протянул пломбир на рожке, так же заботливо передав салфетку.

— Спасибо, — улыбнулась я и с наслаждением облизала аккуратный завиток на верхушке. — М-м-м, как вкусно.

Я бросила взгляд на Андрея и поняла, что он смотрит на меня. Точнее, на мои губы, которые я облизала, чтобы избавиться от остатков сладости. Для таких случаев он дал мне салфетку, но кажется я не умею ею пользоваться. Он сжал челюсти и сглотнул, а затем отдал внимание своему шоколадному мороженому.

И снова я пытаюсь подавить в себе необычное наблюдение, когда Андрей демонстрирует свой интерес ко мне. Я не хочу что-то придумывать сама, а потом мучиться от разочарований, потому что все оказалось совсем иначе.

— Спасибо, что вернулся за моей сумкой. Там осталась вся моя жизнь.

— Серьезно? — удивился Андрей.

— Ага. Телефон и мои последние деньги.

— Последние? — снова недопонимал он.

Я улыбнулась и чуть поменяла положение на скамье. Повернулась к нему лицом, сгибая одно колено, чтобы положить бедро на скамью, а руку, согнутую в локте — на спинку. Андрей уже точно осведомлен, что я не из среднестатистической семьи, поэтому его удивляют мои последние слова.

— Мой отец ужасный человек. Он хочет, чтобы все жили по его правилам. Он хотел, чтобы я поступила на хирурга, но я хочу быть терапевтом. В день, когда мы встретились, я вернулась из Москвы, где подала документы в институт. За это папа перестал давать мне деньги.

Я облизала свое мороженое и надкусила вафельный рожок.

— Подожди, твой отец наказывает тебя за то, что ты следуешь мечте?

Его лицо выражает неподдельное удивление и непонимание, будто то, что я сказала, это за гранью здравого смысла. Хотя, так поступок отца и можно трактовать — он далеко за пределами рассудительности.

— Вроде того, — признала я.

— Это же абсурд, — никак не мог поверить Андрей.

— Ты совсем не знаешь моего отца. Он самый ужасный человек на всем земном шаре.

Я говорила об этом с легкой улыбкой на лице и, видимо, мое спокойствие тоже подвергает Андрея в шок. Ведь при таком рассказе о себе я должна показывать, как минимум, печаль. Но за всю свою сознательную жизнь я практически не получала должной заботы и понимания от отца, а к плохому быстро привыкаешь.

— Разве мама не хочет заступиться за тебя?

Теперь даже моя легкая улыбка спала с лица. В голове молниеносно пронеслись воспоминания детства, когда мама

была рядом и подкачивала меня позитивом. Она научила нас с Анфисой жить так, как нам самим хочется, и обязательно сопровождать эту жизнь с улыбкой. Все разрушилось после ее ухода. И именно к ее отсутствию я не могу привыкнуть.

— Она умерла пять лет назад. Последняя стадия рака не щадит никого. Отец лично оперировал ее, но он всего лишь хирург, а не вездесущий чудесное исцеление.

— Мне жаль. — Андрей сжал челюсти.

— Ничего, я уже привыкла. Раньше было тяжело несомненно, но я смирилась. Но отец считает, что я начала бунтовать после ее смерти. На самом деле, я демонстративно раздражаю его из-за любовницы, которая была у него и при жизни мамы.

Андрей вздохнул и качнул головой.

— Не просто тебе. А сестра?

— Анфиса? Мы с ней поддерживаем друг друга. Правда два года назад с ней случилось несчастье, отчего она закрылась и в себе, и в своей комнате. Тебе повезло увидеть ее в клинике. Она вышла из своей норы ради меня и вроде бы эта автокатастрофа дала толчок к ее восстановлению. Она получила стресс, испугалась за меня, и будто забыла о своем непростом прошлом. Так что, есть и положительные моменты от случившегося со мной.

Андрей снова вздохнул и взглянул на меня с сожалением. Меня это не устраивает. Я вдруг стала очень разговорчивой рядом с ним и выложила всю свою короткую и скучную

жизнь за несколько минут. А все потому, что мне хочется говорить с ним обо всем. Хочу, чтобы он знал меня со всех сторон. Но так же я хочу хотя бы что-то знать о нем. И подумала, что если я буду откровенной, то и он не заметит, как раскроется передо мной.

— Ну, а ты что расскажешь о себе?

Я отгрызла остатки вафельного рожка и кинула в рот самую вкусную часть.

— На кого ты все-таки учишься? — любопытствовала я.

— Я не могу распространяться об этом каждому, — улыбнулся Андрей, показывая мне этим, что не из вредности скрывает место своего обучения, а потому, что вынужден.

— Ясно, — кивнула я. — Ты здесь у родителей?

Андрей кивнул и так же разгрыз вафельный рожок. Когда осталась та самая вкусная часть, я уставилась на нее влюбленными глазами. В этом кончике рожка всегда остается твердый шоколад. Андрей проанализировал мой взгляд и улыбнулся, приблизив к моему лицу любимый кончик. Я посмотрела в его синие глаза и увидела одобрение. Открыла рот и Андрей, глядя в мои глаза, засунул в него вкусную часть, подушечкой пальцев коснувшись моих губ. Он отдернул руку и сжал челюсти.

Он точно умеет читать мои мысли. Про лимонад на пляже он тоже угадал. Или же он очень внимательный. Просто мечта любой девушки.

— А там у тебя есть девушка?

Я не сразу поняла, какой вопрос задала. Мои слова опережают мои мысли. Я покраснела, когда Андрей взглянул на меня с удивлением и с полуулыбкой. Даже уши загорелись от смущения.

— Нет, — мягко ответил он. — У тебя наверняка тоже никого нет.

— С чего ты это взял? — возмутилась я такому самоуверенному предположению.

— Москвичи слишком нежные, а ты слишком взрывоопасная, рыжуля, — усмехнулся он.

Сейчас я таю не от солнца, а от того, как он со мной разговаривает и буквально читает как открытую книгу.

— Ладно, ты прав, — честно призналась я. — У меня никого нет. И не потому, что у меня характер сложный и меня тяжело вывозить, — выставила я указательный палец.

Андрей сдержал смехок, облизав губы.

— Я просто жду настоящую любовь. Которая как в книгах.

Андрей тут же стал серьезнее. Он прислушивался к каждому моему слову и данная часть разговора его заинтересовала. По глазам видела, что Андрей ждет продолжения.

— Хочу, чтобы он любил меня сильно. Сильнее всего. Чтобы я была центром его Вселенной. Чтобы он ценил меня и уважал. Чтобы мы были как родные люди. Чтобы он всегда был рядом только со мной, — коротко пересказала я свой

эгоистичный идеал.

— Ты рассуждаешь, как наивная девочка, — улыбнулся он.

Я нахмурилась.

— Ну и пусть. Не хочу искать в любви какую-то выгоду. Хочу, чтобы она была настоящей и бескорыстной.

— Давай я разрушу твою идеальную картинку. Представляешь, у каждого человека имеются свои интересы, и он не может отдавать себя полностью кому-то. А если он будет военным? — внезапно спросил Андрей, действительно одним вопросом нарушая мою картинку, как и обещал.

Этим вопросом он разрушил мой идеальный, маленький выдуманный мир, словно в стену с красивым рисунком прилетел ломающий все стальной шар. Андрей дал мне почву для размышлений, и я умолкла, пытаюсь представить в голове такой исход. Но перед глазами чернота, картинка не складывалась.

— Который не сможет всегда быть только рядом с тобой, — подталкивал меня к ответу Андрей уточнениями.

— Но будет любить сильнее всего? — уточнила я, чтобы Андрей продолжал помогать мне составить другой пазл.

Он немного подумал, пристально глядя в мои глаза, и кивнул.

— Тогда я смогу вычеркнуть этот пункт или немного подкорректировать его. Пусть будет только рядом со мной в том смысле, чтобы не нашел кого-то на стороне, когда мы будем

на расстоянии.

— И ты будешь ждать? Постоянно? Отказываться от развлечений, от удовольствий?

— Если я полюблю и сильно, то развлечения без него мне не нужны. И моим удовольствием станет тот момент, когда он вернется ко мне и обнимет, скажет, что скучал и думал только обо мне.

Андрей вздохнул.

— Ты уверена в себе? Точно не предашь его?

— А он точно будет любить меня сильнее всего? Сильнее своей службы?

В этом странном разговоре Андрей словно защищал военных, таких, как он, а я защищала верных девушек, таких, как я.

— Не знаю, — только и смог ответить Андрей, смотря на меня с некой печалью.

— Ну, а ты? Какая твоя идеальная девушка?

— Нет. — Андрей повернулся на скамье и снова смотрел перед собой. — Не умею откровенничать на такие темы.

— Ну хотя бы одним словом, — практически взмолилась я.

Андрей вздохнул и внезапно придвинулся ко мне ближе. Прогремел гром, и я автоматически подняла глаза к небу. Темная масса из туч закрыла собой голубую бездну и поглотила солнце. Поднялся небольшой ветер.

Когда я снова переместила взгляд на Андрея, он уже нахо-

дился совсем близко ко мне. И этого небольшого расстояния между нами мое сердце конкретно испугалось. Оно забилось быстрее и сильнее, отчего дышать стало тяжелее. Воздух стал плотным и горячим между нами, несмотря на то, что вокруг стало чуть прохладнее с приближением дождя. Синие глаза внимательно изучали меня, будто поглощали каждую деталь и черту, чтобы отпечаток моего лица остался в его памяти. К сожалению, я не могу прочесть характер его взгляда. Он заинтересованный, несомненно. И заставляющий гореть мое тело.

— Я никого не жду, Василис. И у меня нет времени, чтобы размышлять о том, какая девушка для меня будет идеальной.

Жесткий ответ, который безжалостно бьет хлыстом по мозгам, заставляя их очнуться. Розовый туман рассеялся и мои глаза увидели истину. Теперь меня не толкает из крайностей в крайности благодаря услышанному. Я заняла одну твердую позицию: ни я, никто либо другая сейчас не займет место в его каменном сердце. Может я и привлекаю его, но видимо только физически. От природных реакций, которые заложены в нас, никуда не деться.

Сейчас я абсолютно точно уверена, что мне стоит держаться подальше от этого парня, иначе я все же рискую сгореть. Меня привлекает тепло среди лютого холода, чем окружена моя жизнь, но мне лучше отказаться от этого сомнительного дара. Это ловушка и очень серьезная. Если я продолжу приближаться, то не смогу выбраться.

Снова грянул гром, но только сильнее, отчего я вздрогнула. Мы с Андреем продолжаем смотреть друг на друга, оба утопающие в своих мыслях. Не знаю, о чем он думает и не хочу знать. Вообще больше ничего не хочу знать о нем. Впервые я начала бояться человека, потому что все рядом с ним непредсказуемо и находится под толстым слоем непроглядного тумана.

Полил дождь. Сразу и резко. Образовалась белая пелена из воды. Мы с Андреем промокли моментально до нитки.

Я поменяла положение на скамье и села прямо, откинув голову назад. Пусть этот дождь смывает из меня внезапно образовавшиеся чувства к этому человеку и потушит этот чертов огонь, который он разжег во мне одним своим взглядом. Ведь там спряталось настоящее и безжалостное синее пламя.

Глава 6. Избегание

Василиса

Я задумчиво ковыряла вилкой свою глазунью на тарелке, подперев голову кулаком. В последнюю неделю ощущаю внутри некую апатию. Мне все чаще хочется лежать на кровати и смотреть сериалы, из еды практически ничего не воспринимаю. И что более удивительно — я полностью начала игнорировать Розалию с отцом. Если они что-то скажут в мою сторону, когда прохожу мимо, то я просто промолчу и поднимаюсь обратно в свою спальню. Иногда провожу время с Анфисой, но мы так же смотрим вместе сериалы, нагрузившись вкусной едой.

Ксюша все больше времени начала проводить с Димой. Она часто звала меня к ним, но когда Ксюша перечисляла людей, которые есть в компании, и я видела *его*имя, то отказывалась от прогулки, придумывая аргументы, чтобы Ксюша не задавала лишних вопросов и не обижалась. Отказывалась, но желание увидеть его во мне таится огромное. Я даже не думала, что во мне имеется такая громадная сила воли. Видимо, желание сохранить свое не тронутое сердце в целости во мне выше. Хотя после нашего последнего разговора по нему уже пошли трещины. Поэтому я не хочу, чтобы оно еще разбилось вдребезги. Этот парень опасен для меня, потому что я проглядела момент, когда привязалась к нему и

эгоистично захотела сделать его своим.

Поэтому я подумала, что чем дольше не буду его видеть, тем быстрее смогу отвыкнуть его него, и смогу избавиться от глупого самовнушения, что этот парень падет к моим ногам.

Так я себя утешаю.

Ни его скрытность, ни отстранённость, ни сомнительная деятельность — не оттолкнули меня от него. А я так надеялась. Стоит мне его увидеть, как во мне просыпаются странные и незнакомые чувства. Внутри такой трепет, будто правда рой бабочек пробудился. Но я отравляю их ядовитым убеждением, что между нами ничего и никогда не будет, потому что я не собираюсь стучаться в закрытую дверь. У меня достаточное количество гордости и уважения к себе.

Я устаю от того, что Андрея слишком много в моей голове.

— Девочки, что случилось? — послышался противный голос, и я отвлеклась от своего «увлекательного» дела, нехотя поднимая глаза на источник звука.

— Все нормально, — ответила за меня Анфиса, которая сидит рядом со мной.

Сегодня отец внезапно захотел устроить совместный семейный завтрак на террасе, а мы с Анфисой не имели право отказать. Теперь мне приходится лицезреть строгое выражение отца, который сидит во главе стола, и его обожаемую супругу, которая сидит справа от него. Такое впечатление, будто отец думает, что если вот так собираться нашей «дружной

компанией» за одним столом, то нам удастся полюбить друг друга. Бред сумасшедшего.

— В последнее время в доме такая тишина, — с намеком проговорила Розалия, отпивая сок из стакана.

— А ты не рада? — буркнула я. — Ну конечно, ты же счастлива, когда мы ссоримся с отцом.

Анфиса ткнула локтем в мое предплечье, говоря этим жестом, чтобы я заткнулась, ведь выражение лица отца становится все мрачнее с каждым моим колким словом.

— Почему ты так считаешь? Я наоборот рада, что ты стала благоразумной и не терроризируешь отца. Он хотя бы отдохнет.

Она одарила отца своей приторно-сладкой улыбкой и погладила его по плечу. На пальце сверкнуло кольцо с огромным камнем, который принял солнечные лучи. От палящего солнца нас скрывал навес, но воздух все равно душный и раскаленный из-за жары.

— Кстати, дорогой, я купила для девочек безумно красивые платья для сегодняшнего вечера. Они будут блистать. Особенно наша Василиса.

— Спасибо тебе, милая, что взяла на себя эту обязанность, — улыбнулся отец и поцеловал тыльную сторону ее ладони.

Точно. Сегодняшний вечер. Я совсем забыла, занятая размышлениями об Андрее. Сегодня же приезжают Князевы и мы с Анфисой обязаны быть на этом чертовом ужине. Хотя я

планировала сбежать уже днем и избавиться себя от общества этих ненавистных мне людей.

— Ну, что ты, дорогой. Мне только в радость. Так же я пригласила визажистов. Мы произведем яркое впечатление. Я закатила глаза.

— А для чего наряжаться? Что это за важный прием? Английская королева приезжает?

Хотя Князевы оправдывают свою фамилию. Они действительно демонстрируют себя так, словно являются аристократами, герцоги в современном мире. Они имеют успешную юридическую фирму, в которую входит вся семья. Егор Князев — сын этих успешных людей, имеющие миллиарды на счету, вошел в эту иерархию недавно, когда он закончил университет в Лондоне.

— Мы все деловые люди, — улыбнулась Розалия. — Дресс-код необходим даже в домашней обстановке.

— Ага, да, особенно ты, — фыркнула я. — Красный диплом по специальности «Бездельница».

Отец слегка ударил ладонью по столу, привлекая к себе мое внимание.

— Прекрати снова паясничать! — вскрикнул он. — Сегодня ты будешь вести себя как подобает нормальной и воспитанной девушке! Веди себя как дочь, которая уважает своего отца! Не смей меня позорить перед Князевыми, ты поняла меня?!

Анфиса бросила на меня быстрый осуждающий взгляд. Я

натянута улыбнулась, сдерживая свою злость.

— Поняла, — процедила я.

Отец снова схватился за свои приборы и хмуро продолжил поглощать еду на тарелке. Розалия взглянула на меня так высокомерно и самодовольно, что мне захотелось как следует растрепать ей блондинистые волосы и уничтожить эту элегантную прическу. Она всегда так смотрит на меня, когда выходит победительницей. Она — это отдельный вид стервятника в человеческом облике — питается исключительно негативными эмоциями, возникающие между мной и отцом. А этот раздор между нами она сама и создает. Поэтому нам нельзя находиться вместе и эти семейные завтраки, обеды и ужины как раз-таки являются специальной возможностью поругаться, нежели сблизиться.

— Прошу тебя хотя бы сегодня не злить его, — взмолилась сестра, когда мы вошли в мою спальню после очередной неудачной трапезы.

— Да плевать я хотела на этот ужин, — призналась я. — Не знаю, как ты, но я сваливаю.

Я повернулась к шкафу, но сестра схватила меня за руку и снова развернула к себе лицом.

— Василиса, это будет твоей ошибкой, — серьезно предостерегла Анфиса.

— А почему ты на его стороне? — возмутилась я.

Анфиса закатила глаза.

— Я не на его стороне. Я боюсь, что если ты сегодня что-то испортишь, то это станет концом. Финиш в точке кипения терпения отца. Я боюсь представить, что он с тобой сделает, если ты сегодня будешь вести себя дурно и поднимать скандалы.

Сестра приблизилась ко мне и взглянула своими зелеными глазами в мои, выражая своим взглядом мольбу и страх. Она взяла меня за руки и сжала их.

— Очень тебя прошу сегодня быть благоразумной. Не хочу найти тебя на полу истекающей кровью после того, как отец избьет тебя. Иных методов воспитания у него нет, и ты это знаешь. Усмири свои эмоции хотя бы сегодня. Хорошие отношения с Князевыми для него намного важнее, чем мы с тобой вместе взятые.

Я с усилием сглотнула, прислушиваясь к речи сестры. В груди мгновенно затаилось что-то терпкое и вязкое — это страх, который я давно не ощущала. Когда Анфиса сказала про то, что отец может избить меня, если я испорчу ужин, то это не предположение, а реальность. Со временем я совсем забыла, на что способен отец в гневе.

Воспоминание

Москва

Август 2010 год

— Ты же знала, как важна для меня эта встреча! Какого черта ты все портишь!

Крики отца не прекращались. Он обзывал маму самыми жестокими словами, которые в десять лет детям нельзя повторять и тем более слышать. Некоторые я даже не понимала в силу своего юного возраста. Мама издавала только всхлипы и вскрикивала, когда получала очередной удар ногой или рукой.

Я лежала на животе под кроватью в своей спальне, заткнув уши ладонями. Мое белое пышное платье мешает дышать свободно, когда мне это так необходимо. Корсет сжимает всю грудную клетку.

Я зажмурилась, когда отец снова ударил маму по животу. Моя спальня находится напротив спальни родителей. Двери открыты, поэтому я могу все видеть. Вся жестокость отца, которую он вываливает на хрупкое тело мамы. Когда я снова открыла глаза, отец схватил маму за волосы и заставил ее встать на колени. На моих глазах слезы, из-за которых я вижу всю страшную картину смазано.

— Изменяешь мне, потаскуха?

— Нет, — дрожащим голосом ответила мама.

— Но Марина сказала об обратном. Вчера ты встречалась с каким-то мужчиной, и она видела тебя.

— Боже, это репетитор для Анфисы. Мы договаривались о графике занятий, — заплакала мама. — Почему я испортила вашу встречу, когда это она распустила грязные слухи в кругу людей? Почему ты так несправедлив ко мне?

Отец ударил маму по лицу, и она снова упала на пол.

— Потому что это ты встречаешься с мужчинами там, где тебя увидят все наши знакомые! Поэтому это ты виновата!

Отец вышел из спальни и зашагал в неизвестном направлении. Я вышла из своего укрытия и подбежала к маме. Еще сильнее заплакала, когда увидела ее окровавленное лицо. Мама кое-как привстала и заключила меня в свои объятия, крепко прижимая к своей груди.

— Не плачь, моя малышка. Просто папа сильно разозлился. Это пройдет.

Мама внезапно схватилась за живот и закричала. Я вздрогнула от испуга, не зная, что сделать.

— Мама! Мамочка!

Сквозь пугающие мое сердце крики мамы, я услышала топот ног и увидела, как в спальню забежала Анфиса. Она не присутствовала на ужине с друзьями отца, только что приехав с водителем из языкового лагеря. Сестра подбежала к нам, охваченная ужасом и непониманием.

— Что случилось, Вася? Мама!

Мама легла на пол в позе эмбриона, продолжая обнимать свой живот. И когда я увидела кровь на платье, там, где начинаются ноги, я расширила глаза и меня парализовало. То, что я увидела сегодня слишком страшно для детских глаз и психики.

На наши крики в спальню вернулся отец. Он увидел маму, пятно крови, и сорвался с места, падая перед мамой на колени.

— Александра! Что же ты не сказала мне?!

Я слышу отчаяние и вину в голосе папы. Он вдруг изменился. Злость как рукой сняло.

— Сама не знала, — выдавила мама и снова закричала.

Отец взял маму на руки и куда-то унес, крича водителю, чтобы он завел автомобиль.

Позже я узнала, что у нас должен был родиться братик или еще одна сестренка.

Что меня больше всего раздражает, так это то, что мама всегда пыталась выставить отца хорошим на наших с Анфисой глазах. Несмотря на то, что мы сами неоднократно наблюдали, как он бьет ее по лицу из-за малейшего неповиновения. «Просто он несдержанный» — так нам объясняла мама, невольно прививая в наши головы мнение, что если мужчина бьет, то это нормально.

Как хорошо, что мы с Анфисой не подвластны дурному влиянию.

Не знаю, любила ли мама отца, или же просто боялась уйти от него, ведь за это он мог просто убить ее. Этого я уже никогда не узнаю и могу лишь догадываться.

Анфиса вызвала эти воспоминания, которые мне хочется забыть навсегда, тем самым напоминая мне, на что способен отец. Он избил маму так жестоко один раз и как раз из-за того, что, по его мнению, ужин с Князевыми был испорчен из-за мамы. Но мама была права в том, что это Марина Кня-

зева испортила встречу, в которой после ее слов настроение у всех мгновенно изменилось. Все подумали, что мама изменяет отцу, а эти слухи испортят его репутацию. Эта стерва будто специально сказала об этом именно на деловом ужине. Она всегда была завистницей. Ей хотелось испортить жизнь всем вокруг, чтобы на фоне всех остальных она была самой успешной во всех сферах.

Но самое противное то, что если бы она сказала, что это отец изменяет маме, на это бы никто не обратил внимание. Что еще более ужасно, все бы посмеялись и сказали, что это нормально, если мужчина захотел кого-то на стороне.

Я удивлена, как мы с Анфисой среди этой вакханалии и неправильных умозаключений выросли нормальными людьми и имеем здоровую жизненную позицию. А так же понимаем, какой должна быть семья — крепкой, в которой все уважают и любят друг друга, а страху нет места. Наверное, нас спасли сказки, которые мама всегда читала нам на ночь. И не важно, что нам уже давно не пять, мы их требовали.

Я решила прислушаться к сестре. Поэтому теперь сижу перед зеркалом с недовольным лицом, когда на моей голове сооружают прическу. Тонна лака на волосах, чтобы держался объем, но из-за него моя голова начинает чесаться. Рану чуть выше моего виска все еще можно рассмотреть, поэтому Розалия сказала визажисту прикрепить на это место небольшую красную розочку. Она контролировала весь процесс по моей сборке. И для меня это показалось странным.

— Боишься, что убегу? — недовольно пробубнила я, когда женская легкая рука рисовала мне стрелки.

— Не без этого, — признала она. — Но для меня важнее, чтобы ты сейчас выглядела сногшибательно. Приказ отца.

— Для чего это? — нахмурилась я, отбросив руки девушки от своего лица.

— Потому что ты оборванка, в отличие от твоей элегантной и статной сестры.

Я закатила глаза и снова закрыла их, чтобы девушка продолжила свою работу. Мне сейчас очень хочется сбежать из этого дома. Подавлять свою истинную суть и притворяться оказалось невероятно тяжело. Но когда Розалия нацепила на меня красное платье из шелка на бретельках, накрыли на стол и повсюду в гостиной находились работники в униформах официантов, я поняла, что мне не сбежать из этого злополучного места. Я в клетке и мой кислород медленно заканчивается.

— Тебе оказывается так идет красный, — восторженно объявила Розалия. — Я не прогадала. А Анфиса хороша в небесно-голубом.

Мы с сестрой одновременно вздохнули. На мне слишком открытое платье. Бретельки и декольте. Платье так туго подвязано за моей спиной из многочисленных повязок, которые прикрывают открытую кожу, что моя небольшая грудь чуть приподнялась. Что касается длины, то платье прямое и доходит до пят. У Анфисы же закрытое платье с рукавами. Да-

же шея закрыта. Лишь спина оголилась. Плотная ткань так же доходит до пят.

Прически у нас одинаковые — локоны, передние пряди собраны и закреплены заколкой назад. У меня только две кудрявые прядки обрамляют мое лицо, которые мне постоянно хочется заправить за ухо, но внимательная ко мне сегодня Розалия постоянно возвращала их на место.

Отец с улыбкой спустился на первый этаж, с восхищением рассматривая нас.

— Какие мои дочери красивые. Дорогая, ты проделала потрясающую работу.

Он поцеловал ее в щеку и приобнял, продолжая вместе с ней рассматривать нас. Мы с Анфисой словно экспонаты в музее, а они ценители прекрасного. Отец в добром и хорошем расположении духа, и таким я его давно не видела. Тесное общение с Князевыми действительно важно для него.

Спустя несколько минут в дом вошли гости, которых мы встречали в холле с вычищенной до блеска плиткой. Они приветствовали друг друга, пока мы с Анфисой находились чуть поодаль и наблюдали за этой картиной. Эту дружбу я никогда не считала искренней. Здесь скорее имеется выгода с обеих сторон.

— Виктор, неужели это твои дочери? — ахнула Марина Князева.

Титанические усилия приходится вкладывать, чтобы улыбаться этим людям.

— Да, — с гордостью объявил он. — Выросли, мои красавицы.

— Действительно красавицы, — подтвердил Роман Князев — глава семейства.

— Василиса, — я обратила свой взор на их сына, — сколько мы с тобой не виделись? В последнюю нашу встречу тебе было четырнадцать?

— Да, верно, — натянуто улыбнулась я накрашенными в красный губами.

Я бросила на отца мимолетный взгляд. Он сверлил во мне дыру взглядом исподлобья, таким образом контролируя, чтобы я улыбалась и говорила вежливо. Он напоминал мне, что из-за моего неповиновения возникнут не самые приятные последствия, то есть, я разбужу зверя.

— Ты стала такой красавицей, — хрипло озвучил свои наблюдения Егор, осматривая меня с ног до головы с каким-то жадным поедаящим взглядом.

Мне стало не по себе, но мне пришлось улыбнуться во все тридцать два.

— Спасибо за комплимент, Егор.

— Анфиса, — сдержанно поприветствовала ее Марина и коснулась плеча сестры. В ее глазах капелька сочувствия. — Как твои дела?

— Спасибо за заботу, Марина Александровна, мне лучше.

Та кивнула и улыбнулась. У Анфисы тоже имеются заранее заученные фразы. Она тоже репетировала перед зерка-

лом свой взгляд, свою улыбку и осанку.

Из плюсов на этом ужине — я долгое время не думала про Андрея. Моя голова немного отдохнула. Но стоило Ксюше написать мне, что они втроем идут в хороший клуб, и она ждет меня, его превосходный образ снова оказался перед моими глазами. Я прочитала сообщение подруги, держа мобильник под столом. Было тяжело держать голову прямо, но при этом смотреть глубоко вниз, чтобы дать ответ подруге.

Василиса: Я сейчас очень хочу вырваться и не важно куда, потому что нахожусь на ужине, который так важен для отца.

Ксюша: С каких это пор тебе важно то, что важно для твоего отца?— удивленный смайлик.

Я вздохнула. Даже встреча с Андреем в данной обстановке покажется мне более спасительным моментом, чем терпеть этот ужин и строить из себя хорошую.

Василиса: Потом.

После чего я заблокировала мобильник и снова спрятала его под тканью платья, положив на стул рядом. Когда я подняла глаза, то столкнулась со взглядом Егора, которым он продолжает меня поедать.

Егор не сильно старше меня, ему двадцать три года, и в силу того, что наши родители знакомы давно, мы часто встречались в детстве. Когда ему было одиннадцать, а мне — шесть, я швырнула в него чашкой с горячим чаем, отчего он получил ожег на щеке и рану на лбу. Кажется, если внима-

тельно присмотреться, можно увидеть оставшийся небольшой шрам на смуглой коже, который немного прикрывают каштановые волосы.

После моего импульсивного поступка Егор возненавидел меня. И когда мне было одиннадцать, а ему — шестнадцать, Егор облил меня синей краской, которую долго пришлось отмывать. Из-за детской вражды наши родители отныне старались реже оставлять нас наедине, потому что наша месть — это замкнутый круг. Если я сделала что-то против него, то Егор отомстит, а после на его месть снова отвечу я.

Сегодня же он практически облизывается, когда смотрит на меня. Наши отношения мне напомнили сказку про принцессу Лебедь. Сначала принц с принцессой так же враждовали и не хотели видеться. А когда повзрослели, принц увидел в ней самую редкую красавицу и забыл о ненависти. Только вот в конце сказки я не отвечаю этому принцу взаимностью, потому что он не привлекает меня даже спустя годы. Я чувствую, как от него исходит тьма и недобрые намерения. По его горящему взгляду я вижу, что в Егоре внезапно появилось неутолимое желание обладать мною.

Пошел к черту, гад похотливый. Так и хотелось показать ему средний палец.

— Василиса, насколько мне известно, ты закончила школу, — обратилась ко мне самая любопытная женщина из всех.

Я обратила на нее свой взор и улыбнулась. Время не ща-

дит никого. А Марина Князева словно не желает с этим мириться. Она желает замедлить старость, или вовсе сделать так, чтобы она не коснулась ее. Ботокса на ее лице так много, что она не способна поднять брови и показать улыбку глазами. Грудь она тоже сделала, только бы удержать рядом богатого мужа. Но я уверена, что у него есть на стороне доступ к молодому телу.

— Да, — подтвердила я.

— Наверняка поступаешь на хирурга, как отец, — улыбнулась она.

Я взглянула на отца. Снова предупредительный взгляд. Не могу же я соврать, ведь рано или поздно узнают, кем я на самом деле стану.

— Мы с отцом поговорили, и он поддержал мое решение, — с болью в сердце проговорила я свои далеко спрятанные мечты. — Я хочу связать свою жизнь с медициной, но только быть терапевтом.

— Вот как? Что же, это благородно, Виктор, отпустить своего ребенка в свободное плавание.

Мой отец улыбался и кивал, принимая приятные слова, хотя он совсем не достоин их. Он умело пытается спрятать от общества все изъяны нашей семьи. И главный изъян — это наши отношения и то, что мы с Анфисой его не уважаем.

— А вот Егор решил продолжить дело родителей, — хвасталась Марина.

— Если сын, то он обязательно должен следовать делу от-

ца, — с гордостью объявил Роман Евгеньевич.

— Согласен, — отозвался отец.

Все подняли бокалы и выпили за встречу.

— Хорошо, что ты решил снова войти в брак, Виктор, — продолжала говорить Марина, когда резала прибором мясо.

— Розалия прекрасна.

Я взглянула на Анфису и закатила глаза. Та поджала губы и сдержанно кивнула. Так она говорила мне, чтобы я продолжала терпеть. Но свист уже невыносимый.

— Она мое сокровище, — сказал отец и поцеловал руку своей смущенной супруги.

— Вполне молодая и может подарить тебе сына, — снова завел свою песню про сыновей Роман.

Я сдержала смешок.

— Мы стараемся, — пискнула Розалия и все посмеялись.

Я почесала лоб, хотя мне хотелось впечатать ладонь в лицо, чтобы стереть из головы этот позорный момент.

— Анфиса, а ты замуж пока не планируешь?

— Отец пока не нашел достойной кандидатуры, — улыбнулась моя сестра.

У меня чуть не отвисла челюсть от услышанного. Анфиса хорошо потренировалась над тем, чтобы возвысить отца на глазах Князевых. Даже папа удивился услышанному, а затем одобрительно улыбнулся старшей дочери.

— Вот это да, — улыбнулась Марина. — Похвально, что для вас важно мнение отца в этом плане. Все же дочери важ-

ная составляющая в иерархии состоятельной семьи. Зятья нужны надежные. Правда, Виктор? — подмигнула она отцу.

— Правда, Марина, — подтвердил он ее слова.

После чего Марина взглянула на меня и осмотрела оценивающим взглядом, словно выбирала дорогой товар.

Моя пытка закончилась через два часа. Когда дверь за гостями закрылась, я выдохнула и отбросила эту прямую осанку, из-за которой моя спина все время находилась в напряжении. Все это время родители вели непонятные разговоры о бизнесе, что было невероятно утомительно и мне захотелось спать. Я клевала носом и рисковала не удержать голову, которая могла невольно упасть на тарелку с ужином из-за сильной сонливости.

— Они прилетели из Москвы, чтобы вести этот разговор о бизнесе? — любопытствовала я, скрестив руки на груди.

Мы продолжали стоять в холле.

— Они отдыхают в Крыму, решили заехать и к нам, — осведомила меня Розалия, многозначительно взглянув на отца. На губах заиграла улыбка.

Данное проявление меня насторожило. Отец кивнул, давая ей одобрение на что-то, после чего она снова посмотрела на меня.

— Заодно и на тебя посмотрели. Действительно давно тебя не видели.

— Это еще зачем? — нахмурилась я.

Я взглянула на Анфису, которая начала что-то подозревать еще в середине ужина, отчего она пыталась скрыть некую тревогу.

— Во многих состоятельных семьях имеется практика, — заговорил отец. — Чтобы скрепить союз между семьями, имеется хороший вариант. Женильба детей.

— Что!?! — воскликнула я.

До меня наконец дошло осознание. Розалия внимательно к моему образу, Князевы рассматривают меня до дыр, а их сын вовсе давится слюной. Многозначительные взгляды с моим отцом и подмигивания, когда заходил разговор про брак и надежных мужей в состоятельных семьях. К горлу внезапно подступила тошнота, когда я представила Егора рядом, его прикосновения ко мне. Я рисковала вывернуть из желудка съеденное, поэтому отбросила эти страшные представления и с усилием сглотнула кислый привкус на языке.

— Ни за что! — только и сказала я.

Розалия закатила глаза и цокнула.

— Дорогой, ты уверен, что стоит сейчас? Она же дикарка, словно застряла в подростковом периоде.

— Стоит, милая. — Настроение отца не меняется даже из-за моего неповиновения, ведь я никуда не денусь и если понадобится, то он в кандалах приведет меня к алтарю во время церемонии. — Это будет великий союз и необходимый.

— Я что вещь для тебя!?! — заорала я, давась от несправедливости.

— Тебе так тяжело хотя бы раз пойти ко мне навстречу?

— нахмурился отец.

Я усмехнулась, но это нервное.

— Так твои просьбы такие, что я должна отказаться от своей жизни и жить ее так, как тебе нравится! — возмутилась я.

— Ты выйдешь замуж за Егора Князева, и точка! — грубо озвучил свой приказ отец, говоря этим, что на мои слезы и протесты он не обратит никакого внимания.

— Только через мой труп!

— Василиса, он прекрасная партия. Я бы еще понимала твои возмущения, если бы подсунули тебе уroda. А Егор красавец, — встряла Розалия.

— Вот и забери его себе! А я ни за что не выйду за этого типа!

— Тебя никто и не спросит, — спокойно ответил отец на мои крики и, взяв Розалию под руку, покинул холл.

Мой глаз задергался. Анфиса подошла ко мне и приобняла. На моих глазах застыли слезы и кажется, что я провалилась в прострацию, ведь была не в состоянии пошевелиться.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — успокаивала меня сестра. — Я тоже не в восторге от этого решения. Егор — скользкий тип.

— Кажется, меня спасет только бегство, — дрожащим голосом проговорила я предположение. — Начну откладывать деньги.

— Не говори глупостей, — нахмурилась Анфиса.

— Ты же знаешь отца. Он будет непреклонен. Этот брак для него большая выгода.

Мои руки затряслись из-за злости. Анфиса о чем-то задумалась, когда пристально смотрела на меня и видела мое отчаяние и безысходность. Затем она обняла меня и прошептала:

— Мы что-нибудь придумаем. Я не отдам тебя в его лапы.

В ее голосе твердая убедительность, и я хочу верить сестре, чтобы как-то успокоить себя.

Все же я сбежала из дома в одиннадцать вечера, когда сняла с себя платье и оделась в удобные шорты и майку. Стерла красную помаду с губ и сняла дурацкую розочку с головы. Отец против моих поздних уходов, поэтому это называется бегством. Мне необходимо выветрить из себя гнев и забыться. Не хочу постоянно думать о глобальной проблеме в виде брака с Егором, которую для меня раздул родной отец. Да ему плевать за кого меня отдавать, полностью лишая права выбора, только бы этот брак был выгодный для него.

Я пришла к Ксюше в тот самый клуб, о котором она написала в сообщении. Я нашла их втроем возле барной стойки и присоединилась к небольшой компании. Села рядом с Димой и выхватила его стакан с виски, который он не успел забрать со стойки. Я резко выдохнула через рот и залпом выпила небольшое количество терпкой жидкости. Она обожгла

мое горло и на несколько секунд заблокировала доступ кислороду. Перед глазами образовались черные мушки, когда я сначала зажмурилась, а затем распахнула их.

— Не смотри так на меня, — послышался голос Ксюши. — Сама в шоке от увиденного. Она никогда не пила крепкие напитки. Что, ужин не удался?

Я вздохнула. Голова уже немного закружилась, но хотелось еще больше расслабиться. Я подвинула стакан бармену.

— Повторите.

— Не удался, — ответила за меня Ксюша.

Я повернула к ней голову, и подруга присвистнула.

— Да из тебя куклу слепили.

Мой взор тут же нашел Андрея. Он магнитом притягивает к себе все мое естество, а не только мой взгляд. Я сглотнула, когда горло сдавило от желания прижаться к нему и найти в нем утешение. Возникло непонятно откуда взявшееся предположение, что в его объятиях мне станет намного легче. Андрей внимательно разглядывал меня чуть нахмуренными бровями и тоже понимал, что моя жизнь — это полное дерьмо, ведь он теперь осведомлен, какой мой отец жестокий эгоист.

После второго выпитого стакана я уже расслабилась окончательно и не переживала за свои действия.

Глава 7. Ошибка

Андрей

Кажется, Василиса серьезно охвачена злобой, что сейчас захотела так конкретно расслабиться. Я наблюдаю за тем, как она ловко захватила танцпол — вообще никого не замечает вокруг себя. Люди освободили ей пространство и многие даже не могли оторвать от нее глаз, заворуженно наблюдая за тем, как она изящно и умело двигается в такт громкой музыке. Ксюша решила не отставать от подруги и постоянно находилась с ней рядом, расслабившись от вина.

Что касается меня, то я тоже не в силах оторвать от Василисы глаз. У нее чертовски привлекательная фигура и это не уходит от моего пристального взора. Стройное и аппетитное тело приковывает к себе многие мужские заинтересованные взгляды. И эти рыжие волнистые волосы, которые она смахивает руками и приподнимает в воздух, когда крутит головой. Она полностью поглощена музыкой. Я невольно напрягаюсь всем телом, когда Василиса очерчивает ладонями свои бедра и проводит ими вверх по своей талии, к шее, когда музыка приобретает медленный характер. Эта девушка имеет самую высокую самооценку. Василиса знает себе цену и обожает себя. И я тоже невольно начинаю обожать ее.

Она сама того не зная вскружила мне голову и буквально подсадила на себя. Я никогда не имел зависимостей, но ощу-

тил насколько это мучительно, когда повстречал Василису; ощутил ее сладкий аромат, словно она пахнет моим любимым десертом тирамису, и обратил внимание на такие же сладкие алые губы.

— Ты сейчас сожрешь бедняжку, — услышал я голос друга возле своего уха, который пытался перекричать музыку.

Я вздрогнул и немного вернулся в реальность.

— Не преувеличивай, — так же громко прокомментировал я его слова.

— Ты просто себя со стороны не видишь. Понравилась?

Я взглянул на Диму. Он сделал небольшой глоток терпкого виски, при этом смотрел на меня и играл бровями.

— Вижу, что понравилась, — ответил он за меня, когда мое молчание затянулось. — Ну и что ты тормозишь? Долго еще из-за этой стервы будешь барьеры перед собой ставить?

Я нахмурился.

— Я отпустил ее сразу же, как только увидел в постели брата.

— Тогда в чем дело? Посмотри на меня, я отлично провожу свое увольнительное с Ксюшей. Какая она конфетка!

Я вернул свое внимание к девушкам, которые продолжали трек за треком захватывать танцпол и наслаждаться вечером. Моему другу проще, поскольку он не привязан к Ксюше. Они оба решили воспользоваться друг другом, чтобы скоротать время на отдыхе и скрасить его, добавив приятные моменты. Они не имеют друг перед другом никаких обяза-

тельств и обещаний.

Я, безусловно, не монах, и могу сделать так же — утолять свои потребности со свободной девушкой на время лета. Имел уже такую практику после Адель. Но только не с Василисой. Она мне нравится, Дима прав, но я не могу воспользоваться ею и сделать хорошим вариантом для короткого увлечения. Если я хочу ее, хочу наслаждаться ее телом ночи напролет, то только с тем условием, что эта девушка будет моей всегда, а не на короткое время. Я просто эгоистично присвою ее себе.

Но этого я тоже не могу себе позволить. Василиса не подходит для меня никоим образом, но я как сумасшедший мечтаю о ней и о ее теле подо мной. И я не понимаю за что мне досталась такая несправедливость.

— Она тоже приманивает тебя взглядом, — снова заговорил мой друг. — Я заметил, что ты ей тоже интересен. Так что дерзай.

Я тоже это заметил. А так же я понял, что Василиса начала избегать меня после нашего последнего разговора. Она услышала мои слова о том, что я не хочу иметь отношений, и ее механизмы, касающиеся меня, переключились. И Василиса тоже не хотела со мной мимолетной и случайной связи. Она хотела попробовать быть со мной на постоянной основе. Но я смог оттолкнуть ее от себя одной грубой фразой, после которой Василиса спряталась от меня. А мне без ее присутствия стало не по себе и даже тоскливо.

Я на мгновение ощутил, каково это смотреть на мир, когда он в ярких красках. Но стоило Василисе отстраниться от меня, он снова окрасился в серый. И даже после недолгого, я бы сказал, мимолетного взгляда на красочный мир, я все равно смог быстро привыкнуть к прекрасному, что теперь мне тяжело вернуться в свое привычное серое русло.

— Что она задумала?

Я услышал голос Димы и поднял глаза, глядя перед собой. Мое лицо вытянулось от удивления, когда я увидел, как Василиса сначала встает на барный стул, а после перемещается на барную стойку.

— Это еще что такое? — нахмурился я.

— Во дает, — посмеялся Дима. — А она отчаянная.

Василиса теперь начала танцевать на барной стойке, а я автоматически стал разглядывать зал. Многие мужские взгляды прикованы к Василисе и теперь еще крепче. Они готовы рты открыть от зрелища и пускать слюни. Но так же от моего внимания не ушло то, что многие смотрели на Василису и видели в ней возможность хорошо развлечься ночью. Это меня взбесило.

— Ну все, достаточно, — с этими словами я встал с дивана и приблизился к барной стойке.

Встав напротив Василисы, я поманил ее пальцем, когда она обратила на меня внимание. Но она отмахнулась и продолжила свои плавные движения. Тогда я обхватил ее ноги за икры, и Василиса вскрикнула, боясь не удержать равно-

весие и упасть за барную стойку. Но моих сил достаточно, чтобы удержать эту крошку. Я приподнял ее и снял с барной стойки, а затем чуть расслабил хватку, чтобы Василиса скользнула ниже, и я смог обхватить ее бедра. Из-за своего резкого порыва я снова услышал ее визг. Теперь я смог закинуть ее на свое плечо и вынести из этого злополучного места на улицу, избавляя ее от заинтересованных взглядов.

— Отпусти меня немедленно! — расвирепела Василиса на моем плече, когда я вынес ее на улицу и басы музыки перестали нас заглушать, оставаясь приглушенными позади в здании клуба.

Я выполнил ее просьбу и осторожно поставил Василису на ноги. Она смахнула волосы с лица за спину и уставилась на меня убийственным взглядом.

— Ты что себе позволяешь!? Кто тебе позволил прикасаться ко мне!? — орала она на всю улицу, да еще и толкнула меня ладонями в плечи, но я даже не пошатнулся, готовый к такому исходу.

— Тебе надо остыть, — мягко проговорил я с легкой ухмылкой на лице.

— Это не тебе решать, понятно!

Василиса уже планировала вернуться обратно в помещение клуба и, видимо, продолжить свои развратные танцы на барной стойке, которые сводят с ума не только меня, но и всю мужскую половину в клубе. Я схватил ее за запястье и резко вернул на место. Василиса пошатнулась и снова одари-

ла меня суровым взглядом. Этот зеленый блеск ее глаз точно намеревается сжечь меня прямо здесь и оставить из меня пепел.

— Ты что хочешь от меня? — искренне не понимала она.

— Просто хочу, чтобы ты постоила со мной на улице и остыла. Протрезвела. Вдруг ты упадешь с барной стойки и сломаешь себе шею?

— Я совершенно трезвая, просто расслабилась. И я контролирую свои движения.

— Тогда снова напрягись, — предложил я.

Выражение ее лица остается неизменным — Василиса ни черта не понимает в моем поведении. Я сам не понимаю, но мне стало так невыносимо наблюдать за тем, как многие похотливые взгляды снимают с нее эти непозволительно короткие шорты и майку, что я впал в ярость. Я думал, что если не выйду из клуба и не заберу с собой Василису, то точно перебью несколько мужских лиц.

Василиса приблизилась ко мне и взглянула прямо в мои глаза. Будто пыталась проникнуть сквозь меня и увидеть правду, которую я не хочу ей выдавать. Сейчас я остыну и все пройдет. И это вспыхнувшее внезапно чувство собственности со смесью ревности отступит.

Но когда я смотрю в эти глаза, в целом на ее лицо, я начинаю сомневаться в своих доводах. Я теряюсь и перестаю понимать себя. Логика отступает под гнетом диких эмоций и сильного желания пасть перед этими чувствами. Возника-

ет неутолимое желание попробовать на вкус эти алые губы и изучить каждый сантиметр ее тела.

— Что с тобой? Почему ты вынес меня из клуба?

В груди образовалось жжение. Дыхание перехватило, когда Василиса облизала свои губы. Я сглотнул и сжал челюсти, теряя самообладание. Держался из последних сил, ведь терпением я не обделен. Военная жизнь дрессирует на стойкость. Но перед этой девушкой вся моя выдержка испаряется, ее из меня выкачивает пристальный взгляд зеленых глаз.

— Ты разошлась, — озвучил я часть правды. — Танцевать на барной стойке непристойно.

— Да что ты? А можно я сама буду решать, что для меня непристойно? Ты не лезь. Ты мне никто. Ты мне даже не друг, к которому я могу прислушиваться. Так что не надо распускать свои руки. Мне это не нравится.

На ее губах заиграла озорная улыбка. Ее слова вывели меня из себя, и я взорвался. Остатки выдержки покинули меня, и я забыл о тех днях, когда тренировал себя держаться и не падать под чарами этой рыжеволосой бестии.

Одной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.